

ГАЛИНА РОМАНОВА

ЗАКЛЯТИЕ СЧАСТЬЯ

Галина Владимировна Романова

Заклятие счастья

**Серия «Детективы Галины
Романовой. Метод Женщины»**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12165642

Заклятие счастья: Э; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-83782-3

Аннотация

Сергей Назаров, удравший из этого южного приморского города опальным, израненным дайвером, вернулся спустя десять лет капитаном полиции. Все здесь было знакомым, все родным. Саша... Милая девочка, его единственная любовь. Какой же красавицей она стала! А у Саши случилась беда. Пропала ее мать. То, что дело дрянь и Алла Геннадьевна уже никогда в свой дом не вернется, капитан Назаров понял сразу. Все признаки об этом свидетельствовали: сумка, кошелек, телефон, очки, без которых, по словам дочери, она не выходила из дома, были на месте. Но самое главное, что насторожило полицию, видеорекамеры, установленные в доме, были отключены, а записи стерты...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с

этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Пролог	6
Глава 1	16
Глава 2	25
Глава 3	48
Глава 4	54
Глава 5	61
Глава 6	74
Глава 7	79
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Галина Романова

Заклятие счастья

© Романова Г.В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

*Все действия и герои в романе – вымышленные,
любое сходство является совпадением.*

Автор

Пролог

Оранжевый свет настольной лампы, которую она включила в помощь верхнему освещению кабинета, не помогал. Он скорее отвлекал. Нацелившийся на документы, разложенные на ее рабочем столе, он напоминал ей огромный кружок прозрачного апельсина. Она бы с удовольствием сейчас слопала апельсин или даже два. А еще лучше – приготовила бы на гриле большущую отбивную с перцем чили, потом посыпала бы отбивную мелко покрошенными мятными листочками, налила в бокал красного вина, села бы к кухонному столу у окна. И медленно, с удовольствием, стала бы есть мясо, запивать его красным вином и смотреть на засыпанную снегом улицу.

Ум-мм, красота! Наслаждение! Вкусно есть и наблюдать тормозившую ближе к ночи городскую жизнь. Ей это жутко нравилось. С первого дня, как поселилась в этом доме, она сразу перетащила обеденный стол к подоконнику. С ее седьмого этажа прекрасно просматривался проспект аж до самого поворота на набережную, и даже крохотный кусочек моря был виден. Но это летним днем его можно было рассмотреть. Зимой, поздним вечером, оно только угадывалось. Но все равно было приятно думать, что черный глухой треугольник за самыми дальними сосновыми макушками – это море. И оно не засыпает вместе с городом, оно так же, как и днем,

ворочает ледяными волнами и тоже подглядывает за ней.

Н-да...

Надя сердито оттолкнула от себя бумаги. Надо было случиться этому именно в канун Нового года! Именно этому, именно в канун Нового года! Нарочно не придумаешь! Закон подлости! Она столько планов настроила! И за город собиралась к друзьям, и на горнолыжный курорт собиралась вырваться на пару дней, и даже размечталась до Испании и Мальдив, куда ее настойчиво зазывал недавно появившийся ухажер из этих, из богатеньких, как любила называть их Лялька – ее подруга.

И теперь ее планы летят ко всем чертям! Потому что какому-то пареньку угораздило уйти из дома неделю назад и не вернуться. А через три дня после его ухода угораздило еще одному такому же уйти и не вернуться. Оба – самые обыкновенные, самые заурядные, не представлявшие интереса ни для одной криминальной структуры, не перебежавшие ни разу дорогу не то что авторитету, но даже на красный свет. Не имевшие ничего: ни состояния, ни замужних любовниц, ни обманутых женщин.

Как? Что? С чего начинать? Где искать мотив?

– Понимаешь, Надежда Иванна... – задумчиво погладил свою лысину два дня назад ее начальник Хмелев Андрей Иванович и глянул на нее с испугом. – Боюсь, это серия!

– С чего такой вывод, Андрей Иванович? Ребята перед праздником могли напиться и...

– И в море утопиться, еще скажи! – фыркнул Хмелев. – Порядочные парни, Надюша. Приличные, тихие, спокойные, законопослушные. Мне их матери весь порог слезами уже залили.

– А чего тогда пропали, раз такие порядочные? Чего в ночь из дома вышли? Куда пошли? Зачем?

Она покусала нижнюю губу, боясь, что задрожит сейчас от обиды на такой чудовищно несправедливый поворот судьбы. Не маленькая же, понимала, что дело Хмелев хочет поручить ей. И вкалывать ей теперь придется по двадцать четыре часа в сутки, и летят все ее планы к черту. Не будет поездки за город, горнолыжного курорта, и вылета за рубеж с богатеньким ухажером не будет тоже. Хорошо бы дома хоть какое-то торжество в Новый год организовать. Хоть какое-то крохотное застолье с шампанским, запеченной уткой и мандаринами. Но это если богатенький ухажер пожелает. Одной ей слушать куранты, есть утку и мандарины было неинтересно.

– Они могли просто уехать, – не хотела сдаваться Надя, пряча в стол сердитый взгляд от Хмелева.

– Без документов? Без денег? Нет, Наденька... – почти ласково возразил Хмелев. – Так не бывает. Тихие спокойные парни вышли на минутку из дома, накинув почти на голое тело куртку, сказали своим матерям, что будут скоро, и что? И пропали, как и не было их вовсе! Ни единого следа, ни единого!

– Вот именно, – буркнула она. Помолчала, подумав, потом

спросила: – А с чего вдруг серия?

– Так мне кажется, – уклончиво ответил Хмелев.

– С чего вам так кажется, Андрей Иванович? – решила она проявить настойчивость.

– Ну, парни схожи по характеру, по образу жизни, опять же живут почти по соседству.

Хмелев назвал их адреса. Надя хотела было возразить, что соседство сомнительное. Дома, где проживали пропавшие парни, располагались на большом расстоянии друг от друга. Да, улица одна. Так эта улица весь их городок огибала по периметру, и протяженность ее была о-го-ого какой! С таким же успехом их соседями можно было считать полгорода!

Но возражать не стала. Внимательно слушала.

– Опрос соседей ничего не дал. Все в один голос твердят, что парни были приличными, не алкашами. Работали, родителей почитали. С соседями не собачились.

– Личная жизнь? Имелась у них какая-то личная жизнь?

– По утверждениям родителей, друзей и опять же соседей, на данный момент ребята были одинокими. Никаких серьезных отношений.

– А несерьезные? Они могли просто случайно кому-то перейти дорогу и...

– Сразу вдвоем они ее, что ли, переходили? С интервалом в три дня? – Морщинистое лицо Хмелева недоверчиво сморщилось. – Но... Всякое может быть, Надюша. Всякое. Тебе и карты в руки. Работай, милая!

И вот теперь она – милая или не очень из-за недобрых мыслей – сидела в десять вечера за столом в своем рабочем кабинете, лопатила груды протоколов допросов, лелеяла мечту о куске жареного мяса в крошках мятных листьев и мучилась оттого, что что-то упустила. Вот что-то терзало ее и мучило, какой-то намек брезжил где-то, а где точно – она не могла разобраться.

Лялька называла это приступом слабоумия. И обычно советовала «забыть». Советовала приступать к работе, когда отпустит.

Надя повертела колпаком настольной лампы туда-сюда, в надежде что поможет. Яркий оранжевый круг пробежался по документам, выхватил авторучку с карандашом, потом споткнулся о рамку с фотографией Нади с Лялькой и мамой, вернулся на исходную – к разбросанным по столу протоколам.

Не помогло! Не отпустило! Ни единого проблеска. Ничего, кроме противного беспокойства, что она что-то упустила. Что-то такое, что лежало на самом виду и было таким примитивным, что зудели ладони от желания это что-то схватить и потрогать.

Но не давалось...

Нет, надо ехать домой. Пожарить мяса, налить вина, сесть на любимое место лицом к окну. Может, и озарит.

Надя собрала документы в папку, заперла в сейфе, выключила настольную лампу. Собралась за пять минут и уже че-

рез полчаса входила в свою квартиру.

Маленькая, почти без мебели, но светлая и теплая. С крохотным балкончиком из комнаты и огромным окном в кухне. Ох, как она ее полюбила! Потому что была своя, потому что была первой, потому что тут ей никто не мешал. Не мешал ходить растрепанной и непричесанной. Не мешал думать, зевать с хрустом или петь, отчаянно фальшивя. Не мешал чертыхаться, когда обжигала руки о гриль, как сейчас.

Мясо получилось восхитительным. Мягким, сочным, пряным. Она отрезала крохотные кусочки, медленно пережевывала, запивала сухим красным вином, смотрела на снег, засыпающий город и тонущий где-то там, за соснами, в море, и все думала и думала, думала и думала.

И вдруг бац – щелкнуло! Отпустило, как сказала бы Лялька! Да, да, да! Вот оно – то, что дрейфовало на поверхности, но постоянно отплывало куда-то в сторону! Как же это она сразу-то...

Где-то у нее был тот самый номер телефона, где-то был. Она точно его записывала, как многие другие, казавшиеся ей важными, способными пригодиться потом.

– Алло! Добрый вечер! – вежливо поздоровалась Надя, когда ей ответили.

– Скорее доброй ночи, – недовольно буркнули на том конце провода. – Кто это?

– Простите, не представилась. Надежда Ивановна Головова, следователь. Я веду дело о пропавших парнях, кото-

рые...

– А-а-а, вспомнил. – Голос мужчины стал чуть мягче. – Такая вы красивая, статная, черноглазая.

– Спасибо... – Надя вдруг скрестила пальчики на левой руке, трубку держала правой. – И еще раз извините за столь поздний звонок.

– Ничего-ничего. Что хотели-то, Надежда Ивановна?

– Я тут вдруг вспомнила, что вы говорили мне, что эти ребята, те, что пропали...

– Да понял я, – перебил ее мужчина. – И?

– Вы говорили, что они одно время занимались ремонтными работами какими-то. Так?

– Не какими-то, а отделочными работами. Но не вместе. Всяк по-своему. Один – это Валера Листов – одно время навязывал все мне плитку на пол положить. Я отказался. Сам мастак. Второй, Ванька, со штукатуркой приставал. Так я и сам могу штукатурить.

– Ага, хорошо, – она кивнула, будто собеседник ее мог видеть. – Скажите, а был кто-то, кто воспользовался их услугами? Кому-то они ремонт делали?

– Конечно. Многим. Но это когда было!

– Когда?

– Давно.

– А точнее?

– Год, а то и больше. Они ведь потом уж где только не работали оба. Валера в автосервис подался, да так там и за-

стрял. Говорил, что неплохо там прилипает. Второй... Вот точно не скажу, но будто в охране работал и еще где-то. Нечасто пересекались. А что? Вы чего про ремонт-то вспомнили? Что-нибудь узнали, да?

– Да нет, пока ничего. Но спасибо вам. И еще раз извините за поздний звонок. Всего хорошего... Да, кстати, поздравляю вас с наступающими...

Вот почему-то застряло в мыслях, и все! В этом месте надо рыть, сверлило в голове. Пусть год назад, пусть чуть больше, но парни оказывали услуги ремонтников. Ходили по домам. Что-то делали. Кому нравилось, кому нет.

Кому нет? По каким домам ходили? Какие отношения сохранились с недовольными? Или, наоборот, с теми, кто остался чрезвычайно доволен их работой? К кому они могли податься поздним вечером без денег и документов, накинув куртку почти на голые плечи?

Это где-то рядом. Совсем рядом. Где-то там, где бы им открыли и впустили в дом. А что, если они встретились оба в этом самом гостеприимном доме? Один пришел раньше, второй через три дня, встреча оказалась неожиданной, переросла в ссору, и... и могло случиться все, что угодно! Один из них погиб, второй подался в бега.

И еще было кое-что, о чем она думала сегодня с утра. Прочитав сводки о происшествиях тех дней, когда пропали парни, она обнаружила кое-что странное. И это тоже не давало ей покоя. И она даже номер телефона нацарапала каран-

дашом на задней крышке папки, чтобы не забыть позвонить.

Но это было второстепенным вопросом. Первый и важный – это вопрос о ремонтных услугах, которые оказывали ребята. Здесь что-то крылось, точно здесь.

Так ей казалось, когда она укладывалась спать. Когда на утро проснулась, разбуженная будильником, версия чуть поблекла и не казалась такой уж вразумительной. И Хмелев наверняка презрительно фыркнет, когда она ему расскажет. И снова спросит:

– Побежал? Без денег и документов?

Перспект был перекрыт, ждали кого-то важного. И пришлось ехать в объезд. По набережной. Она любила эту дорогу, но не зимой. Зимой там ездить было практически невозможно. Сердито ворочавшее ледяными волнами зимнее море регулярно вывешивало над дорогой плотную пелену тумана. Ближе к полудню туман опускался на дорогу карамельной коркой, превращая дорогу в каток. А у нее зимней резине третий год, и с тормозами с утра что-то неладное.

Ничего, она потихоньку. Как-нибудь доедет, поделится своими соображениями с руководством. Дождется одобрения и начнет копать совершенно в другом направлении. А то что же это получается? Парни ни с кем, нигде не были замечены в отношениях, а умчались из дома почти голышом. И не общались они никогда, и даже знакомы не были, и ничто их будто бы не связывало, а оказалось, что есть связь. Есть!

Ей оставалось пройти последний поворот, самый против-

ный, и она сбавила скорость, чтобы ловчее вписаться. И даже попыталась притормозить. Но тормозная педаль вдруг провалилась в пол, а машина продолжила ехать. И руль вдруг перестал слушаться. И во рту неожиданно пересохло, а в животе сделалось пугающе пусто и холодно от странного ощущения, что это как-то неправильно все. Так не должно быть! Она не может сейчас выскочить на встречу, не должна! Скоро Новый год! Она же собиралась его отпраздновать, пусть и дома, с шампанским, запеченной уткой и мандаринами. И богатенький ухажер, взявшийся непонятно откуда, пусть присутствует. Все лучше, чем одной.

Она не может сейчас, как последняя идиотка, просто бездарно погибнуть под колесами громадной фуры, мчавшейся прямо на нее! Прямо в канун любимого праздника! Нет!!! Нет...

Глава 1

– По-твоему выходит, настоящие мужчины это те, кто носит свитера грубой вязки, по три дня не бреются, говорят грубым простуженным голосом и...

Мать поймала ее насмешливый взгляд. Тут же поняла, что только что описала свою первую любовь, сгинувшую где-то на далеких северах, и умолкла. Правда, ненадолго. Минут через двадцать, вымесив тесто на сырники, она накатала из него аккуратных шариков, чуть приплюснув, покидала их в горячее масло на сковороду и зашла с другого бока.

– Думаешь, есть среди этого племени хоть один достойный и нормальный? – спросила она ее с печалью. – Все сплошь эгоисты! Все! Возьми хоть самого первого из них, прародителя. Что он сделал?

– Что? – спросила она, потому что должна была спросить. Мать станет без конца вопрошать, если она не ответит.

– Он, в угоду своему эгоизму, просто потому, что ему сделалось скучно, – она воздела к потолку руки, выпачканные мукой, – расстался с частью своего тела! Он отдал ребро только потому, что ему стало скучно!

– Оказывается, они способны чем-то жертвовать, – отозвалась она из жалости к матери, а то подумает, что она ее вовсе не слушает. – Уже плюс.

– Ой, да какой там плюс! – фыркнула мать и отряхнула

руки, мука взметнулась облачком и приземлилась возле ее лохматых тапок. – Это было сделано в угоду себе, дорогая моя! Чтобы не скучать! И поэтому...

Мать внезапно умолкла, что-то рассматривая через кухонное окно на улице. Но тут же снова глянула на дочь, свернувшуюся калачиком на уютном диванчике, задвинутом в самый дальний угол в их огромной кухне-столовой.

– И поэтому твоего идеала мужчины не существует, понимаешь? – Мать перевернула зарумянившиеся сырники. – Его просто нет! Нет ни на суше, ни на море!

Это она теперь вспомнила уже первую любовь дочери, случившуюся у нее в подростковом возрасте и наделавшую в их семье много неприятностей.

Возлюбленным дочери оказался тренер по дайвингу. Единственный тренер единственного в их городе клуба подводного плавания. Дайвер был загорелым, мускулистым, белозубым, невероятно симпатичным и отчаянно бесшабашным. Ей тогда едва исполнилось пятнадцать лет, она усердно училась, занималась спортом, посещала репетиторов сразу по нескольким предметам. И считала, что так и должно быть, что это правильно. А когда ее тренер с белозубой улыбкой спросил, зачем ей все это, она не нашлась что ответить. Потом ответ нашелся, конечно. Она сказала часа через два, вынырнув на поверхность бассейна, где проводились предварительные тренировки, что все это ей нужно для общего развития. И он снова ее удивил. Он шлепнул ее легонько по

попке и рассмеялся со словами, что с ней и так все в норме, она и так шикарно развита.

Через месяц усиленных тренировок она взбунтовалась. Отказалась посещать репетиторов.

– Мне хватает знаний, полученных в школе, – заявила она своим родителям.

Потом перестала посещать секцию гимнастики.

– Это уродует связки, – процитировала она мускулистого дайвера. – Плавание все компенсирует.

Родители призадумались и принялись наблюдать, пытаясь выяснить причину ее бунтарства. И когда однажды они застукали ее и тренера в женской раздевалке страстно целующимися и почти без одежды, разразилась гроза.

– Шлюхи! – орал и бесновался отец, бегая по дому с растрепанными волосами и странно красным мокрым лицом. – Так поступают только законченные шлюхи! Я уничтожу его! Я посажу его на двадцать лет! Тварь! Раствитель! Я посажу его!

Мать – тоже растрепанная с красным и мокрым лицом – бегала за ним следом и умоляла не горячиться, уговаривала решить все тихо, без лишнего шума и огласки, чтобы не навредить репутации дочери. Так и решили. Вернее, порешали. Дайвер из их города исчез, следом закрылся клуб подводного плавания. Она снова вернулась к репетиторам и тренерам. И вплоть до окончания школы находилась под неусыпным оком своих родителей. Потом были университет, аспиранту-

ра, неудачное замужество, продлившееся три месяца. И бегство из столицы обратно под мамино крыло. Папы к тому моменту уже не стало.

Может, и не следовало сбегать из Москвы? Может, стоило остаться в квартире, которую ей купили родители и которая теперь стояла запертой, с дорогой мебелью, покрывающейся пылью. Уже четыре года. Может, и случилась бы у нее нормальная жизнь с кем-нибудь из эгоистов. Она бы стала терпимее, эмоциональнее, перестала бы рассматривать своего избранника как насекомое. Она, правда, до самого развода даже не предполагала, что кажется именно такой – нетерпимой, неэмоциональной, рассматривающей своего мужа как насекомое. Это он ей открыл глаза на правду, когда расстался с ней у порога загса, где они оформляли свой развод.

– Пока ты не изменишь своего отношения к мужчинам, ты обречена на неудачу и одиночество.

Так сказал ей тогда теперь уже бывший муж. Так говорила и мать, поучая, вразумляя, заставляя ее не идеализировать мужчин и найти себе хоть кого-нибудь. Лишь бы не быть одной. Лишь бы быть хоть с кем-то.

– Mam, а почему ты вспомнила про море? – Она распрямила ноги, потянулась, как кошка, и резко села на уютном диванчике.

– Просто так. К слову, – буркнула мать и принялась снимать со сковороды сырники.

– Нет, мам, ты никогда ничего не говоришь просто так, к

слову, – возразила она, мягкой поступью дошла до окна, выглянула. Качнула головой. – У Лагутиных опять что-то горит во дворе.

– Семейка придурков! У них постоянно что-то горит! – с радостью подхватила мать, решив, что небольшое возгорание на участке Лагутиных отвлечет дочь от неприятных вопросов.

Но ее дочь не отвлеклась. Она уже привыкла к пламени, время от времени уничтожающему какое-нибудь ветхое строение на участке Лагутиных. К этому все давно привыкли. И даже пожарную команду не вызывали. И участковому жаловаться перестали. Странное семейство, состоящее из матери и двух взрослых сыновей, само справлялось с огнем.

Дочь повернулась к матери и снова спросила:

– Почему ты вспомнила про море, мам? Ты... Ты что-то знаешь о нем?

– О море? – прикинулась мать непонимающей, накидала ей в тарелку румяных сырников, залила сметаной, поставила на обеденный стол. – Давай завтракать, милое дитя.

– Мам! – Дочь повысила голос. – Ответь мне! Ты... Ты что-то знаешь про Сергея?

Сергеем был тот самый белозубый загорелый дайвер, след которого родителями был тщательно зачищен еще десять лет назад. И о котором она вспоминала первые три года ежедневно. Потом через день. Сейчас лишь изредка.

– Сергей! – вдруг неприятным скрежещущим голосом

воскликнула мать. – Да кто он такой – этот Сергей, чтобы о нем вспоминать, Александра?! Он извращенец! Совратитель малолетних! Он тогда почти изнасиловал тебя! Если бы мы вовремя не подросли с отцом, то...

То, возможно, она узнала бы тогда, что такое настоящее женское счастье, вдруг подумала Саша.

У нее так отчаянно колотилось сердце в тот момент, когда загорелый дайвер целовал ее, гладил по голым плечам и просил ничего не бояться. Так сладко ныло внизу живота, так хотелось, чтобы он не останавливался, чтобы продолжал целовать ее, гладить... везде. Чтобы продолжал судорожно дышать ей на ухо, без конца повторяя ее имя на все лады.

Саша, Сашенька, Сашуля...

Никто никогда потом не сумел повторить этот нежный страстный шепот, никто никогда не сумел заставить ее сердце так трепетать, а тело ныть и поддаваться. Никто никогда.

– То, возможно, я была бы сейчас счастлива, – закончила за мать Александра и села за стол.

– Ты? Счастлива? С этим Ихтиандром? – Мать едва не задохнулась от возмущения.

Тоже села за стол к своей тарелке, со звоном швырнула вилку на стол, сердито запыхтела, рассматривая дочь с прищуром, будто видела впервые.

– А может, мы все-таки опоздали? Может, он все-таки обесчестил тебя? Не в тот день, а днем раньше? А? Шура?

– Нет. Он не успел меня... обесчестить. – Саша криво ух-

мыльнулась, материнского прищур она давно не боялась. Уже лет десять как. – Мы просто целовались.

– Ага! И были при этом почти голые! – закричала мать возмущенно и тут же, покраснев от смущения, принялась терзать сырники вилкой, превращая их в комочки.

– Мы были в трусах, – вежливо, но твердо сказала Саша. И вдруг странный бунтарский дух, давно дремавший, заставил ее проговориться. Впервые за столько лет. – Но не исключая, что я сняла бы их сама, не явись вы так не вовремя.

– О боже! – Мать оставила сырники в покое, поставила с грохотом локти на стол, спрятала лицо в ладонях и забубнила, забубнила сердито: – Знаешь, чем бы это кончилось? Все эти твои забавы с мускулистым подонком? Он бы обрюхатил тебя, малолетнюю дурочку, и смылся бы. А ты осталась бы с несмываемым позором здесь жить! В этом городе!

– В этом городе в таком случае я осталась бы с ребеночком, а не с позором, – и она уставилась на мать тем самым взглядом, за который бывший муж ее и возненавидел. – А потом Сережа, возможно, к нам вернулся бы.

– Когда?! – фыркнула из-под ладоней мать.

– Когда все утряслось бы. Когда вы перестали бы ему грозить тюрьмой. И мы бы жили долго и счастливо. Я, Сережа и наш ребеночек, которого ты окрестила позорным...

Она вдруг расстроилась. Стоило на мгновение представить милое, незатейливое счастье с Сережей и их общим ребеночком, что расстроилась почти до слез.

Наверное, им было бы хорошо вместе. Он был очень славным – этот веселый, загорелый дайвер. Он всегда находил какие-то такие беспечные, правильные слова, что становилось все сразу понятно. И уходило волнение. И хотелось смеяться. И бояться, казалось, нечего.

Саша отодвинула тарелку с нетронутыми сырниками. Поднялась, поблагодарила мать за завтрак и ушла к себе. Дверь заперла на ключ, чтобы матери неповадно было к ней соваться и начинать советовать повнимательнее присмотреться к Вадику Илюхину – сыну ее приятельницы. Или быть повежливее с Серафимом Ильичом – это Сашин начальник. Оба казались матери достойными претендентами. Оба оказывали Саше всяческое внимание, не раз приглашали ее отужинать с ними в ресторане и задаривали ненужными, на Сашин взгляд, подарками.

Она сейчас не хотела ничего о них слышать. Вообще ничего! Ни об их достоинствах, ни о перспективах ее обеспеченной жизни, прими она их предложения. Ничего! Ей сейчас хотелось думать о Сереже. Думать, вспоминать, чувствовать снова то забытое волнительное предвкушение наслаждения, которое у нее потом так ни разу и не повторилось.

Интересно, где он теперь? Где-то же он есть, так? Он не мог бесследно исчезнуть! Он не мог погибнуть или попасть в переплет! Слишком оптимистичной была его улыбка. Слишком правильными, хоть и беспечными на первый взгляд рассуждения. Слишком бескорыстными помыслы.

«Ты – мой единственный грех, девочка моя, – шептал он ей накануне того дня, когда их застучали в женской раздевалке. – Ты – мое грехопадение. Ненавижу себя за это, но не могу ничего с собой поделаться. Ничего... Хочу тебя...»

Даже сейчас Саша задохнулась, вспомнив, как звучал его голос.

Интересно, он вспоминал о ней хоть раз за эти годы?..

Глава 2

– Сергей Иванович, к вам можно?

В дверь, давно не крашенную, скрипучую и кособокую, осторожно стукнули. И снова вопрос:

– Сергей Иванович, к вам можно?

Теща!

Огромных размеров, грудастая тетка, с копной черных, не поддающихся времени, кудрей. Глазастая, ротастая, громогласная. Только она называла его в этом доме на «вы» и по имени-отчеству. Не из уважения, нет. С издевкой называла. С намеком на то, кем бы он мог стать, но так и не стал. Чего бы он мог добиться, но так и не добился. Куда бы мог взлететь, да так и остался на серой бетонке взлетной жизненной полосы.

Облупившаяся краска зашуршала и посыпалась на пол. Это тещина ладонь, напоминающая Сергею теннисную ракетку, поползла по двери. Сейчас теща упрется в дверь своей мощной грудной клеткой, надавит, незапирающаяся дверь поддастся. И наглая баба влетит в их с Таней крохотную спальню, больше напоминавшую кладовку, только с окошком. Маленьким и пыльным и даже без занавески. И Сереже иногда чудилось, что теща наблюдает за ним сквозь мутное стекло ночами. Все ли он правильно делает?..

Теща сейчас ворвется в спальню, а он под одеялом голый,

между прочим. И тут же станет ныть противным голосом и учить его. Учить и ныть. А он даже сбежать от ее нытья не сможет, потому что голый.

Сереза повернулся на бок. Нашел взглядом на спинке стула свои шорты, потянулся и...

И опоздал. Дверь с противным визгом распахнулась. Теща влетела в их с Таней каморку, встала на пороге, сразу заполнив собой весь дверной проем.

– Спите, Сергей Иванович?! – прошипела она, рассматривая очертания его тела под тонким одеялом. – Время к полудню, а вы все спите?!

– Проснулся, – нелюбезно ответил Сереза и резко сел, кутая в одеяло то, что было ниже пояса. – Вы что-то хотели, Ангелина Степановна?

– Я?! Хотела?! – фыркнула она, брызжа в его сторону слюной. – А вы?! Вы ничего не хотели, Сергей Иванович?!

– Например?

Он дотянулся до своих шорт, вдел в них голые ступни, натянул до коленей, вопросительно глянул на тещу. Но та будто и не заметила его выразительного взгляда.

– Например, на работу устроиться не хотели бы?! Вы сколько уже у меня квартируете, Сергей Иванович?

– Две недели, – послушно ответил он и подтащил шорты еще повыше.

– Две недели! Целых две недели! А воз и ныне там! Доча уже всю работу, а вы... Вы зад пролеживаете на моей,

между прочим, кровати!

Кровать была отвратительной. Старой, визгливо скрипучей. Пружины ветхого матраса без конца впивались в ребра. И Сережа с удовольствием спал бы в маленьком домике в саду на раскладушке, но Таня не позволила. С чего-то решила, что мама обидится, если они уйдут ночевать в сад. На его взгляд, ее маму обижал сам факт его существования. А где он станет спать, есть и дышать, уже значения не имело.

– Что вы мне на это скажете, Сергей Иванович? – Тещины мощные кулаки уперлись в толстые бока.

– Что конкретно вас интересует?

Он подавил невольный зевок. Зевать при теще было нельзя. Сочтет за неуважение и не уберется из этой комнатки еще полчаса. А ему в уборную приспичило. И на воздух отчаянно хотелось. В спальне было душно, потому что мутное оконце не открывалось. К тому же теща, кажется, высосала весь воздух, вздымая громадную грудь. И пахло от нее как-то отвратительно. Всегда! Какой-то прокисшей едой.

– Я спрашиваю вас насчет работы! – остервенела женщина от его тупости, сделавшись бледной. – Когда вы пойдете работать?! Доча давно...

– Я понял, – он лениво ухмыльнулся. – Но я устал вам повторять, что в отделе меня ждут через две недели. Как только у них освободится ставка, так я выйду на службу.

– В отделе?! В каком отделе? – Громадная фигура тещи содрогнулась, большущие лапищи легли на грудь, вулкани-

чески вибрирующую. – Вы снова собрались идти на службу в милицию?

– В полицию, – поправил Сережа.

– В полицию? – тут же подхватила она. И запричитала, заклекотала: – Но вы же обещали Танечке! Вы же обещали, что больше не станете вязаться с органами! Вас же никогда не бывало дома! Вы же обещали... Вас же едва не пристрелили на прежнем месте...

– Но не пристрелили же, – спокойно возразил Сережа.

На самом деле он еще никуда не ходил. Считал, что еще преждевременно. Все ждал окончания служебной проверки. И звонка из Москвы ждал каждый день. Вот-вот позвонят ему и позовут обратно. Что же он, устроится, а потом? Снова станет вилять и увольняться? Он так не хотел. Он так не мог.

– А как же дайвинг, Сергей Иванович? – Теща вдруг заискивающе улыбнулась. – Я уже и объявление дала, набор идет вовсю. Это деньги! Хорошие деньги! Желающих хоть отбавляй! И...

– У меня нет лицензии, – отрезал коротко Сергей.

– Не проблема, если дело только в этом. Я завтра вам достану эту бумажку, Сергей Иванович, – улыбка тещи сделалась до отвратительного приторной. – Завтра же у вас будет на столе лицензия и всякие заключения о вашем здоровье. Таня уже и снаряжение ищет через Интернет. Все будет! Вам нужно будет только нырять и выныривать! Это же деньги, Сергей Иванович! Хорошие деньги!

– А еще это люди, за чьи жизни надо будет отвечать.

– Так и в полиции надо за все отвечать. И за людей в том числе!

Тещина улыбка погасла. Ладони с ее груди сползли в карманы цветастого халата, провонявшего какой-то противной едой. Крупные темные глаза пробежались по его съежившейся на скрипучей кровати фигуре, с натянутыми до середины бедра шортами.

– Может, в другом причина, а, Сергей Иванович? – вдруг вкрадчиво поинтересовалась Ангелина Степановна, останавливая подозрительный взгляд на шраме под его левой ключицей.

Шрам был в виде огромной запятой. Остался от огромного рыболовного крючка, на который его, как наживку, насадили много лет назад в наказание. Немногие знали историю происхождения этого шрама. Теща знала. Таня ей рассказала.

– Может, причина в другом, Сергей Иванович? – повторила вопрос Ангелина Степановна, превращая толстогубый рот в жесткую линию. – Может, вы все еще не можете забыть Ее?! И из-за нее и вернулись в этот город, а?! Может...

Все, хватит!

Он резко поднялся, одеяло упало к ногам, обнажая его наготу, которую Ангелина Степановна тут же с любопытством принялась рассматривать. Нет, ему не казалось. Она все же подсматривает за ними ночами сквозь мутное стекло кро-

хотного окошка. Противная тетка.

– И не стыдно? – спросил он, неторопливо натягивая шорты на зад.

Полное лицо тещи вспыхнуло вишневым румянцем.

– Сатана! – гаркнула она, резко повернувшись и, тяжело ступая по скрипучим половицам, ушла к себе.

Может, и не следовало перед ней красоваться. Может, Таня станет ругать его за непочтительность. И тоже увидит в его нежелании идти работать тренером по дайвингу какой-нибудь скрытый, подозрительный мотив. И станет по-кошачьи щурить на него свои черные цыганистые глаза и противно, как мать, шипеть.

Плевать! Он не станет ничего объяснять. Никому. Он просто не станет больше тренировать никого, никогда.

Толкнув заднюю хлипкую дверь, затянутую москитной сеткой, Сергей надел сандалии и вышел в сад. Теща брехала, конечно, как всегда. До полудня было еще добрых два с половиной часа. Это когда южное солнце, взобравшись повыше, жгло листву, раскаляло старые красные кирпичи садовой дорожки, что по ним невозможно было пройти босиком, превращало воздух в плотную тяжелую массу, которым легко дышалось только на берегу. Сейчас не было еще и десяти. В саду пахло сливами и созревающими абрикосами, в высокой траве у забора кто-то шуршал и попискивал. На стареньком дощатом столе под тканевым навесом стояли алюминиевый чайник, рядом – щербатая чашка.

Сергея подошел к столу, взял в руки чайник, плеснул себе воды, выпил. Теплая, противная, вчерашняя. Но ее следовало допить. Теща помешалась на экономии.

– По счетчикам кто будет платить?! – заорала она однажды на Таню, когда та вылила как-то утром вчерашнюю воду под сливовое дерево. – Сергей Иванович твой, безработный?..

И вдруг захотелось на волю. Захотелось очутиться подальше от этих старых стен с облупившейся краской, разошедшимися дверями и скрипучим полом. Подальше от этого заросшего сада, где воздух, пропитавшийся запахом лопающихся от спелости слив, казался ему тяжелым и липким. Подальше от Тани, брак с которой был будто бы и удобен, будто бы и необременителен, но в то же время казался ему никчемным и лишним.

Зачем они вместе? Почему? Потому что много лет назад она помогла ему выжить? И следовала потом за ним повсюду? Так он ее об этом не просил. Он справился бы и один. И даже, может быть, гораздо лучше справился.

Словно услышав его неправильные мысли, в сад из-за хлипкой двери, затянутой москитной сеткой, вывалилась теща.

– На вот... – протянула она ему свой мобильный телефон. – Доча звонит.

– Да. – Сережа плотно прижал трубку к уху, чтобы теща, вставшая с ним рядом плечом к плечу, не подслушала ни

слова. – Да, Таня, слушаю.

– Привет, милый, как дела? – Голос жены был напряженно веселым. – Что делаешь?

– Воду допиваю, – отозвался Сережа и поставил щербатую чашку на старенький дощатый стол. – Вчерашнюю.

– Ясненько... Понятненько...

Господи! У него заныло под языком. Он ненавидел пустых телефонных разговоров, на которые его жена была мастерицей. Тупые вопросы, тупые ответы, это вот: ясненько с понятненько. Уже тошнило! Или это от тещи тошнило, плотно прижимающейся к его плечу? От ее тошнотворного запаха прокисшей пищи? Или от ее тошнотворного желания подслушать и тут же дать совет?

– Тань, ты чего звонишь? – спросил он вдруг, хотя всегда ждал продолжения от нее. – Что-то важное?

– Хм-мм... – полукашлянула, полухихикнула Таня и тут же проговорила голосом, сильно смахивающим на тещин: – Мама сказала, что ты снова собрался идти служить в полицию?

– Да.

– Почему? – опасно тихо поинтересовалась жена.

– Я больше ничего не умею, – буркнул он недовольно, чего тоже никогда прежде не позволял себе.

Учтивость, учтивость и еще раз учтивость. Так он всегда вел себя по отношению к жене Татьяне.

– Ты умеешь нырять! – вдруг сорвалась она на крик. – И

умеешь учить этому! Разве нет?!

Сережа шагнул влево на метр, туловище тещи качнулось в его сторону, но устояло, не свалилось на красные, прохладные еще, кирпичи садовой дорожки.

– Ты почему? Почему не хочешь этим заниматься? – Таня вдруг начала задыхаться. – Из-за нее, да?! Из-за воспомина- ний о ней? Прошло десять лет, Сережа! Десять лет! А ты все еще помнишь эту малолетнюю шлюху?

Он не помнил, куда швырнул тещин мобильник. То ли на стол. То ли на красные кирпичи себе под ноги. Может, в заросли травы у забора, где кто-то шуршал и попискивал. Но точно не отдал его теще в руки. Потому что за минуту до бегства точно помнил, как потянулись ее громадные ладо- ни, всегда напоминавшие ему теннисные ракетки, к его ли- цу. Расцарапать его, что ли, собиралась? Или по щекам на- давать?

Он выбежал из калитки, едва державшейся на ржавых пет- лях, на улицу. Узкая, пыльная, со старым, выдолбленным го- дами тротуаром, она петлей спускалась к морю. Дома тесно стояли друг к другу, расстраиваясь, переделываясь под же- лания отдыхающих. В этом году пока наплыва не было. По соседству открылся новый курорт, и основная масса хлыну- ла туда. Потому и ему с Таней место нашлось в тещином до- ме. Иначе...

А лучше бы и не нашлось, подумал он, спускаясь к мо- рю узкой улочкой. Выкрутились бы как-нибудь и в Москве.

Неприятная история со стрельбой, в результате которой его едва не убили, вскоре забылась бы, служебная проверка прошла бы, он снова восстановился бы в прежней должности. Стало бы чем платить за съемное жилье. Татьяна, как и прежде, занялась бы домашним хозяйством. Он бы был все время занят на службе... все время.

Надо же, только сейчас понял, что в последние месяцы нарочно задерживался на службе допоздна. Чтобы, вернувшись, сразу упасть в койку и уснуть. Чтобы не слышать ее пустых вопросов, чтобы не давать таких же пустых ответов. И не улыбаться вымученно, когда она рассказывает про участников ее любимого телешоу, и не делать вид, что ему интересно, с кем станет дальше спать какой-нибудь Ваня и кому не даст Нина.

Господи, он что, правда так жил?! Болезненно морщился, проглатывал раздражение, но жил? Но почему? Потому что ему на долгие годы был наложен запрет на возвращение в родной город? А потом уже, когда умерла тетка, воспитавшая его, и возвращаться стало не к кому. И некуда, поскольку папаша той самой малолетней... проказницы, скажем так, приложил все усилия, чтобы домик, доставшийся ему в наследство, был снесен муниципалитетом. И еще потому, что, когда ему делалось особенно тоскливо, под рукой всегда была Таня. Всегда. И это было удобно. А вот нужно ли?..

Он вышел к морю через двадцать минут. Ушел подальше от отдыхающих, распластавшихся на сером галечном пляже.

Поближе к пирсу, где насчитал с дюжину пришвартованных суденышек. Присел на старый перевернутый бот, прохуdivшийся еще лет пять, наверное, назад. Зажмурился, глубоко вдыхая морской воздух, по которому скучал все эти годы. Пахло водорослями и рыбой. И еще слегка соляровкой и разогретой на солнце смолой от покачивающихся на волнах суденышек. И жареным мясом со стороны пляжа, и чебуреками, и вареной кукурузой.

Десять лет назад он таскал в бумажном пакете огненные початки той невероятно красивой и серьезной девчонке, которую Танька почему-то назвала сейчас шлюхой. Впервые назвала. Они дали друг другу слово, что не станут вспоминать Сашу. Ни хорошо, ни плохо.

– Как о покойниках, – серьезно заявляла десять лет назад Таня, глядя в его глаза, пытаясь что-то в них рассмотреть. – Не станем о ней вспоминать никак.

И вдруг такие гадкие слова. И о ком? О Саше! Она же чистой была, как ангел. Наивной и чистой. Она вряд ли понимала тогда, что он испытывал к ней. Вряд ли осознавала, какие муки испытывал, пытаясь не сделать ей плохо, пытаясь не тронуть ее.

За спиной зашуршала галька, шли сразу несколько человек. Сергей насчитал троих. Тут же машинально, по сложившейся годами привычке, скоординировал свои действия на случай нападения. Нужно пригнуться и кувырком через голову нырнуть вперед. Это если они разделятся и попытаются

взять его в кольцо, а если...

– Серега?! Назаров?!

Шуршание гальки за спиной прекратилось, голос показался знакомым. Он обернулся. И тут же широко заулыбался.

– Андрей Иваныч! Здравствуйте!

Он соскочил с бота, подошел к троице, возглавляемой начальником местной полиции Андреем Ивановичем Хмелевым. Это Сергей уже от тещи узнал, что Хмелев теперь главенствует в звании полковника. Раньше, десять лет назад, Хмелев едва до старлея дослужился. Это когда из города его выпроваживал, виновато пряча глаза от него на дне перевернутой фуражки. Все говорил, что так будет лучше всем.

Кому – вопрос, всем? Ему вот лучше не стало. Ему стало просто никак. А Саше? Саше, интересно, как? Она хоть помнит о нем? И что помнит?

– Каким ветром? – Хмелев протянул руку Назарову, поздоровался, тут же представил спутников. – Вот, познакомься, это мой зам Игорь Валентинович Огнев. А это наш пострадавший... Серафим Ильич Усов, уважаемый человек, генеральный директор, хозяин фирмы, а тут такое...

Все молча пожали руку Назарову. И Хмелев, сильно сдавший за минувшие десять лет. Превратившийся в худого, сутулого старика с обширной лысиной и потухшими глазами неопределенного оттенка.

И Игорь Валентинович Огнев – плотный мужик неопределенного возраста, с волосатыми ручищами, брюзгливым вы-

ражением мясистого лица, в пропотевшей насквозь форменной рубашке, в звании майора.

И Усов Серафим Ильич – моложавый, симпатичный мужик в белоснежном дорогом костюме и замшевых туфлях молочного цвета – тоже руку ему пожал. Правда, как показалось Сереже, без особого желания.

– Что-то случилось? – вежливо поинтересовался Сергей, ничуть не смущаясь своего внешнего вида.

Он ведь как вышел в сад в шортах на голое тело и сандалиях, так к морю в том же самом и подался.

– Случилось! – воскликнул нехотя Хмелев и снова кивнул на Усова. – Вот у товарища собака пропала. Породистая, дорогая! Кому это надо было, а?! Как такое возможно?

– Собака?

Назаров молча оглядел всю троицу. Тут же оценил степень влияния господина Усова, раз его собаку вышел на берег искать сам начальник отдела. Тут же посочувствовал Огневу и понял теперь причину его неприятного выражения лица. И снова повторил, почти весело:

– Собака, значит?

– Не понимаю вашей веселости, – неприятно ощерил великолепные зубы Усов и неожиданно отряхнул ладони, будто ему их жгло от рукопожатия с Назаровым. – Во-первых – это друг!

– Согласен, – примиряюще улыбнулся Сергей.

– Во-вторых, эта собака стоит бешеных денег, – не при-

нял его улыбки Серафим Ильич. И еще агрессивнее оскалил зубы. – В-третьих, никакая шваль не смеет посягать на мое имущество!

– А друг – это имущество?

Нет, он просто уточнил. Просто, без подвоха. А господин, заставивший искать свою собаку высокопоставленного офицера местной полиции, вдруг надулся. Повернулся к Сергею широкой крепкой спиной, обтянутой белоснежным хлопком. Что-то коротко сказал Хмелеву. Возможно, отдавал распоряжения. И вскоре удалился, чеканя шаг по морской гальке.

– Зря ты так с ним, Назаров, – прищелкнул языком Хмелев, достал из кармана неряшливый носовой платок, вытер пот с морщинистого лба, глянул в спину удалявшегося Усова. – Влиятельный человек.

– Я понял. – Сергей беспечно улыбнулся.

– Понял он! – фыркнул вдруг молчавший доселе Огнев Игорь Валентинович, изнемогший от жары. – В его власти завтра выдворить тебя отсюда! Понял он! Кто такой? Документ имеется?

По маетно заплывавшим глазам Хмелева Сережа тут же понял, что это губастое лицо готовится вскоре занять пост начальника полиции. И решил не дерзить.

– Документ дома у тещи. А кто я такой? Гражданин Российской Федерации – Назаров Сергей Иванович. И...

– Это насчет него из Москвы звонили, Андрей Ивано-

вич? – неучтиво перебил его тут же Огнев, обращаясь к Хмелеву.

– Да, да, по его душу был звонок. – Хмелев примирительно улыбнулся, шлепнул Сергея по голому плечу. – Посоветовали тебе на время служебной проверки в Москву не со- ваться. Тут пока поработаешь.

– То есть? – Сергей напряженно улыбнулся.

– Твое командировочное удостоверение перешлют сюда. Рекомендовано пока поработать у нас в отделе. Ты ведь ра- порт на увольнение не писал? Нет. Вот высшее руководство и решило.

– Что решило?

Ему нещадно жгло солнцем макушку. И очки он солнце- защитные не захватил, выбегая из дома. И глаза начали сле- зиться и от яркого света, и от злости, черт побери!

Накаркал, что ли? Наобещал теще, что идет через две недели в местный отдел работать, и вот оно вам, пожалуй- ста! И что он тут станет делать? Собаку этому франту в бе- лоснежной одежде искать?

– Что пока ты поработаешь по месту своего пребывания. Командировочное они вышлют. Сегодня-то уж ладно, а зав- тра к разводу не опоздай. У нас строго.

Не дав возможности ему ни возразить, ни согласиться, Хмелев с Огневым ушли к пирсу. И пробыли там минут два- дцать-тридцать. Он успел выкупаться, обсохнуть и ждал те- перь их возле торговой палатки, где ему отпустили бутылоч-

ку минералки в долг.

– Ну, чего топчешься? – глянул на него с ухмылкой Огнев.

Ему тоже дали минералку без денег. Правда, Сергей сильно сомневался, что тот превратился тут же в должника. В три глотка опорожнив маленькую бутылку, он швырнул пустой пластик в урну. Конечно, промахнулся, но не сделал попытки поднять.

– И в какой должности меня велено трудоустроить? – спросил у Огнева Сергей, потому что Хмелев неожиданно увлекся беседой с хозяином торгового павильона.

– Пока не знаю, – туманно обронил тот, со злостью кивнул в сторону пирса. – Может, станешь, как и мы, собаку Симкину искать. Если доверят! Слышь, Назаров, а чё, правда Ангелина твоя теща?

Сергей кивнул на всякий случай, хотя непонятно, о какой Ангелине речь шла. В этом городе имя было модным. Ну да Хмелев наверняка уже просветил.

– Хорошая баба, – неожиданно похвалил Огнев. – Правильная.

– Да, да, – неуверенно поддакнул Назаров.

– У нее остановились?

– Да.

– Надо вам перебираться. Сезон самый. От вас ей только помеха. У нее каждый метр на счету, – меланхолично заметил заботливый Огнев, нервно потирая потные ладони. – Надо вам съезжать...

Они перебрались в центр городка этим же вечером. У Огнева имелась резервная квартирка, как он называл оставшуюся после чьей-то смерти «двушку». В ней он позволил остановиться Назаровым.

– Пока, – многозначительно подчеркнул он. – Потом сами что-нибудь придумаете.

Сергей с удовольствием придумал бы какой-нибудь скоропалительный отъезд в столицу. Ему приходит вызов, и он уезжает. И плевать, что Таня не поедет вместе с ним. Он этому даже обрадуется. А она сказала, что категорически никуда больше не поедет.

– Все, хватит, поскиталась, – воскликнула она, упав на огневский велюровый диван тем же вечером. – Мне здесь хорошо. Работу нашла, платят неплохо. Со временем отремонтирую мамин дом. Сделаю себе отдельный вход и... И заживу!

То, что планы жены касались только ее, Назарова несколько не испугало, а наоборот. Он обрадовался. И даже не стал уточнять ничего, не стал приставать с вопросами. Влез в новенькую душевую кабину в просторной ванной Огнева и простоял под прохладными струями минут сорок. Потом в два счета проглотил простецкий ужин из молодой картошки со сметаной. Запил его стаканом прохладной кипяченой воды. И лег спать, отвернувшись к стене.

– Не хочешь обновить новенькое супружеское ложе? – пихнула Таня его через десять минут коленкой в зад.

Он не хотел. Он сделал вид, что засыпает. Она сделала вид, что поверила.

Утром он встал много раньше жены, быстро принял душ, побрился, выпил чашку растворимого кофе – поганого и кислого на вкус. Зажевал крекером с изюмом, который тоже не любил, и вышел из квартиры задолго до того, как его супруга открыла глаза. Было семь утра.

На улице было приятно свежо. Подметались и поливались дороги. На центральном рынке раскладывались горы овощей и фруктов. Пахло неповторимо! Пахло восхитительно – южным теплым летом. Фруктами, прибитой пылью, морем. Как же он жил без всего этого, а? Так долго жил! И даже не понимал, как ему этого всего не хватало! Какая столица? Не-ет, он дома!

Назаров решил купить абрикосов и свернул на рынок, потолкался среди прилавков. Нашел старенькую женщину, скромно подталкивающую покупателей корзинку с абрикосами из своего сада. Может, и не такими красивыми, как привозные, но вкусными и ароматными даже с виду.

– Сколько? – Назаров достал бумажник.

– А сколько возьмешь, сынок? – Женщина вцепилась в плетеную ручку корзинки. – Возьмешь все, отдам дешевле.

– Если все, то вместе с корзинкой, – рассмеялся он, протягивая ей деньги, которых, точно знал, хватит за глаза.

– Корзинку завтра вернешь, – она отсчитала сдачу. – Мне ее муж своими руками сплел. Таких сейчас не найдешь. Вер-

нешь?

– А как же! Обязательно верну. Мне верить можно.

Он подхватил корзинку с абрикосами с прилавка, повернулся, чтобы уйти, и едва не наступил на ногу пожилой женщине под цветным зонтиком, рассматривающую его со злой ухмылкой.

– Это тебе-то верить можно?! – прошипела она едва слышно, когда Назаров извинился и хотел ее обойти. – Тебе?! Чудовище! Вернулся, стало быть?! Осьминог проклятый!

Будто глыба льда упала на голову, разбилась на куски, скользнула за воротник белой рубашки, потом под ремень, опалила холодом все тело до пяток и заставила остолбенеть. Как в руках удержалась корзинка с абрикосами, трудно сказать.

Перед ним, прячась от солнца в тени цветного зонтика, стояла Беликова Алла Геннадьевна, Сашина мать. Сильно сдавшая за минувшие десять лет, хотя, по его подсчетам, ей не было еще и шестидесяти. Стройная прежде фигура огрузла, волосы сильно поседели, и она их покрасила серо-синим. Это выглядело очень странно. Глаза в сетке морщин смотрели с прежней ненавистью. Губы подергивались. Он точно ее не узнал бы, не обзови она его своим излюбленным: осьминог проклятый. Он много чего от нее наслушался десять лет назад. Но вот это – осьминог проклятый – Алла Геннадьевна повторяла особенно часто. И все норовила выцара-

пать ему глаза. Все тянула к нему холеные ручки с идеальным маникюром. Сейчас рассмотреть состояние ее маникюра было невозможно. Дама была в тонких ажурных хлопчатобумажных перчатках.

– Вернулся, стало быть... – прошипела она снова, шагнув вместе с ним влево и не давая ему тем самым возможности пройти. – Фруктов захотелось! Ишь ты... Где же тебя носило-то все это время, а?

– Вы забыли добавить – осьминог проклятый, – вежливо подсказал Сережа без намека на улыбку.

Честно? Он сильно нервничал. Он всегда побаивался этой женщины. И не потому, что она могла расцарапать ему лицо. А потому, что она была Сашинной матерью. И он боялся ее оскорбить как-то неосторожно, как-то задеть и обидеть.

– Осьминог, да, – закивала Алла Геннадьевна подсиненной головой. – Проклятый, точно! Испортил жизнь моей девочке!

– А что с ней?! – вырвалось само собой, и Назаров тут же смутился.

Ему-то что за дело? Он уже почти десять лет женат на красивой, верной женщине Татьяне. И ее мать называет его на «вы» и по имени-отчеству. Правда, может и без должного уважительного подтекста, но называет именно так, не осьминогом.

– А с ней все в порядке! Не надейся! – Ее правая рука оторвалась от ручки зонтика, и указательный палец ткнул его

в пуговицу на рубашке на груди, больно ткнул. – И не смей появляться ей на глаза, понял? Не смей! Если замечу тебя рядом, то... Уничтожу!

Назаров стремительно осмотрелся. Покупателей на рынке к этому часу было очень мало, и на них, конечно же, обращали внимание. Кто-то мимоходом, кто-то откровенно рассматривал. Старушка, продавшая ему абрикосы, даже рот открыла от любопытства.

Нехорошо...

– Извините, – пробормотал он.

Шагнул назад, вправо, обошел Аллу Геннадьевну и хотел было уйти. Но женщина вдруг поймала его сзади за рубашку. И дернула так, что та выбилась из-под ремня.

– Стой, когда с тобой разговаривают! – взвизгнула она так громко, что даже самые равнодушные подняли головы от помидорных и фруктовых пирамид и уставились на них с изумлением. – Не смей к ней приближаться, понял! Никогда! Если я узнаю, то я... Я уничтожу тебя! Уничтожу, осьминог проклятый...

Он выдернул край своей рубахи из крепких пальцев в ажурных перчатках и удалился быстрым шагом, почти бегом. И конечно, не видел и видеть не мог, с какой удовлетворенной улыбкой наблюдал эту неприятную сцену молодой симпатичный юноша, брызгающий ледяной водой из пластиковой бутылки на охапку сочной молодой кинзы.

– Чего скалишься? – спросила его женщина, подкладыва-

ющая зелень на прилавок. – Радуетесь?

– Ага, – он звучно сглотнул слюну, наполнившую рот.

– А чему радуешься, идиот? – Женщина шлепнула его по макушке и показала на пустую бутылку: – Вода закончилась, не видишь? А он радуется!

– Как она его, а! – восхитился паренек, погружая пустую бутылку в бак с ледяной водой. – При всех, а! Здорово!

– Тебе-то что до этого?

Женщина вздохнула и потрогала макушку сына, по которой только что ударила. Не надо его бить по голове. Доктор говорил еще много лет назад, что не надо. Что-то в мозгах ее сына не так, что-то неправильно. И каждый удар по голове, пускай даже самый слабый, может спровоцировать обострение болезни. А она то и дело к его макушке прикладывает, дура! Теперь к вечеру жди чего-нибудь нехорошего. Либо подожжет снова во дворе что-то, либо станет по земле кататься и орать от боли. А что болит, в каком месте, не скажет ведь...

– Ма, ты что, не поняла? – Сын поймал руку матери, прижал к своему виску, улыбнулся странной потерянной улыбкой. – Это же ее мама! Сашина мама!

– И что? – Мать растрогалась, когда сын приложил ее влажные грязные пальцы к своим губам.

– А он – соперник. А она его как! А! Такая молодец тетя Алла! Такая молодец!

– Соперник, – грустно улыбнулась женщина и снова по-

гладила сына по макушке. – Чей соперник-то, сынок?

– Мой, – ответил сын и странно глянул на мать. – Разве ты не знаешь, что я люблю Сашу? Давно люблю. И она будет моей женой, вот так...

Глава 3

Они подъехали к ее воротам с интервалом в три минуты. Ну что за чертовщина! Сначала подкатил Вадик Илюхин – сын маминой приятельницы – на новеньком, сверкающем внедорожнике. А потом подъехала длинная, представительского класса машина ее начальника – Усова Серафима Ильича.

Бамперы машин, как в поединке, сошлись у ее калитки сантиметрах в двадцати друг от друга. Моторы настороженно урчали, тонированные стекла не опускались. Соперники ждали ее решения.

Это мать сделала такое заявление, удовлетворенно улыбаясь за тюлевой занавеской. Ее это, кажется, забавляло. Саша их соперниками не считала, поскольку никому ничего не обещала. Никаких надежд. И ехать с ними никуда не хотела, хотя на работу уже пора было выезжать. Иначе опоздает.

– Придется тебе, дорогая, ехать с Серафимом, – подсказала мать, отходя от окна и рассматривая меланхоличные сборы дочери с явным неудовольствием. – Поедешь с Вадиком, на работе будут проблемы.

Это ясно. Но как объяснить бедному парню, что это предпочтение ничего такого в себе не несет, никакого смысла?

– Я беру его на себя, – улыбнулась мать и одернула край широкой кружевной накидки. – Он все равно никуда не спе-

шит. Он в длительном творческом отпуске, как пояснила мне его мать. Я его сюда заманю и... И мы дождемся твоего возвращения, дорогая.

Саша обула беленькие босоножки на тоненьком высоком каблучке, взяла в руки белую сумочку, зонтик на всякий случай, поскольку дожди у них случались часто. Расправила складки на платье василькового цвета и с тяжелым сердцем вышла на улицу. Дорожка, выложенная от крыльца их особняка до чугунной калитки красивой тротуарной плиткой, показалась ей чрезвычайно короткой, хотя тянулась метров на пятнадцать. Девушка вышла за калитку, виновато улыбнулась тонированным стеклам внедорожника Вадика и шагнула в сторону седана своего босса. Тот тут же поспешил наружу.

– Сашенька... Прекрасно выглядишь... – затараторил Серафим, осторожно пожимая ее пальчики. – Мы опаздываем. В девять утра у нас встреча в мэрии.

– Извините, Серафим Ильич.

Саша вздохнула почти с облегчением. Вот, оказывается, чем вызван его утренний вояж к ее крыльцу. А она почти забыла, что назначена встреча, и встреча очень важная. Должен решиться вопрос о принадлежности земель в пользу Серафима. Она, как юрист и финансист, должна присутствовать, чтобы консультировать своего босса, который в некоторых вопросах бывал неграмотен, точнее, почти туповат.

Они обошли его машину сзади, поскольку Вадик и не ду-

мал сдавать назад и все так же наблюдал, не высовываясь наружу.

Тоже странный, да? Хоть бы поздоровался.

Ладно, мать с ним разберется. Лишь бы не затянула своих дипломатических разборок до ее возвращения. День обещал быть напряженным. И вечером ей всегда хотелось сначала в бассейн, устроенный еще отцом в цокольном этаже дома. Потом какой-нибудь прохладный фруктовый напиток, на которые мать была мастерицей. Затем легкий ужин и часа через полтора в кроватку.

А если у них дома к ее возвращению окажется Вадик, то...

– Заедем в отдел полиции по дороге, ты не против? – спросил шеф, выезжая с их тихой сонной улицы. – Это быстро. Нужно уладить кое-какие формальности.

– Что-то случилось? – вежливо поинтересовалась Саша, хотя ей было все равно, случилось что-то у Серафима Ильича или нет.

– Неприятная история с собакой, – нехотя промямлил Серафим.

– Вас покусали?! – округлила она глаза.

– Да нет, что ты, – отозвался он с легким раздражением. – Моя собака! Она пропала! Дорогая породистая сука. На ней могут знаешь какие деньги теперь делать! Какая-то, пардон, сволочь вдруг решила, что может поиметь меня таким вот образом, поиметь мои деньги и...

Саша вдруг вспомнила о своем щенке, которого отец ей

позволил завести в десять лет. Милом пушистом дружелюбном создании, вечно норовившем лизнуть ее в щеку. Она так любила его, так холила и лелеяла, что едва не сошла с ума, когда бедное животное, вырвавшись за калитку, попало под колеса проезжающего автомобиля и погибло. С ума, конечно, не сошла, но ревела месяца два точно.

– Я всех на уши поставлю, чтобы они ее нашли! Всех! И мне плевать, кто станет ее искать: полковник, генерал... Моя собака должна быть у меня дома, все! – беседовал с лобовым стеклом Усов, безбожно нарушая правила дорожного движения на узких улочках их города. – И мои деньги должны работать только на меня, все...

Лучше бы она поехала с Вадиком, вдруг подумала Саша. Тот хоть и не казался ей особенно умным и в основном рассказывал о своих тусовках и путешествиях, где он очень удачно «шопился» и зависал, но все же не был столь циничен и расчетлив.

А по большому счету, вдогонку подумала Саша, ей не нравился ни один из ухажеров. Ни с тем, ни с другим ей не было интересно. И оба проигрывали в сравнении даже ее вечно раздраженному бывшему мужу Виталику, с которым она рассталась несколько лет назад.

– Посиди, я скоро, – командным голосом произнес Усов, вылезая из машины и поправляя на себе серый льняной пиджак. – Не скучай.

Он белозубо улыбнулся и исчез за дверями отдела поли-

ции.

А ей одной было совсем неплохо. И даже комфортнее, чем с ним рядом. Она могла беспрепятственно рассматривать улицу, людей и...

Господи, нет! Этого просто не может быть!

Взгляд ее остановился и замер. Отчаянный крик умер за судорожно сведенными губами. Ноги тут же сделались слабыми, как за мгновение до обморока. Сердце превратилось в огромную медузу, слабо толкающуюся в груди.

Этого не может быть!

Из железных дверей, за которыми минут пять назад скрылся Усов Серафим, на ступеньки вышел... Сережа! Ее Сережа! Ее бывший тренер по дайвингу, ее бывший парень, ее падение, ее печаль, ее несбывшаяся мечта.

Это был он, он, точно он! Она не могла его забыть, не могла ошибиться! Это же его фигура, его руки – мускулистые, загорелые, его светлые волосы, правда, теперь коротко стриженные, а не спадающие мокрыми прядями на лоб. Это его лицо, его! Выражение глаз немного стало жестче, возле рта появились две складочки, губы плотно сжаты, но...

Но это он!

Сережа стоял на ступеньках отдела полиции и, зацепившись пальцами за ремень джинсов, смотрел на противоположную сторону улицы. Он не мог видеть Сашу из-за тонированных стекол усовского седана представительского класса, будь он проклят! Да он и не смотрел в сторону машины

Усова. Он что-то рассматривал на противоположной стороне улицы. Или просто был задумчив.

Как во сне, она нашарила ручку на двери, попыталась открыть, но пальцы, как тряпочные, соскальзывали. Она не знала, что скажет ему. Не знала, узнает ли он ее. Ей просто очень остро захотелось встать с ним рядом. Просто рядом встать, и все!

Не вышло.

Дверь машины так и не открылась. Зато открылась железная дверь полицейского участка. Усов вышел на улицу, высокомерно кивнул Сергею и шагнул в сторону машины. Сергей не менее высокомерно оглядел Усова со спины и вернулся в здание.

Все! Выбегать теперь из машины и бросаться ему вдогонку смысла не было. Во-первых, не пустит дежурный. Во-вторых, она даже не знала, как станет его искать. И зачем он тут? Может, он пострадавший, как и господин Усов. А может...

Может, снова влип в какую-нибудь историю, как десять лет назад с ней, с несовершеннолетней девчонкой.

– Что-то случилось? – обеспокоился Усов, обнаружив ее с закрытыми ладонями лицом, съезжившуюся на сиденье.

– Нет, все в порядке, – глухо ответила Саша из-под ладошек. – Просто голова разболелась. Поехали?

– Да, поехали, – кивнул Усов, головная боль сотрудицы, даже такой прехорошенькой, его совершенно не заботила. – Уже опаздываем...

Глава 4

Еще когда он шел по тротуарным плиткам извилистой дорожки усадьбы Беликовых, ему хотелось придушить эту старую идиотку. Просто сдавить в руках ее морщинистую дряблую шею, даже на вид казавшуюся хлипкой, и уложить под первой попавшейся на пути сосной. Мордой вниз! Увядавшей, несимпатичной, фальшиво улыбающейся мордой вниз! Вниз, вниз! Чтобы хрипела и хрюкала, чтобы глотала осыпавшиеся иголки вместе с землей, чтобы давилась ими и...

Хотя нет, стоп, о чем это он? Когда он ее задушит, она уже не будет улыбаться. И хрипеть и хрюкать, и глотать и давиться не будет. Она просто будет валяться у его ног безмолвным трупом. Страшно оскалившимся, с выпученными остановившимися глазищами, слипшимися от пота волосами, трупом.

Брр, противное зрелище!

Вадик Илюхин брезгливо оглядел толстый, дергающийся под шелковой юбкой зад Аллы Геннадьевны. И невольно улыбнулся. Интересно, что сказала бы недотрога Сашенька, узнай она о его паскудных мыслях в адрес ее курицы-мамаши? В испуге отшатнулась бы? Помчалась бы от него прочь, ломая каблучки и путаясь в длинном подоле своего василькового платья? Далеко все равно не убежала бы. Он бы ее поймал, повалил на траву, задрал подол и...

Интересно, а что сказала бы его мамаша, узнай она о мыслях сыночка? Все так же стала бы сватать его дочкам своих приятельниц, представляя как интеллигентного воспитанного мальчика без пагубных привычек? Мальчик, правда, все еще не нашел себя. И находится в творческом отпуске, как кудахтала его мамаша. Но средства, оставленные папочкой, позволяют. Он может находиться в таком вот творческом отпуске ничегонеделанья еще очень-очень долго. Практически всю жизнь. А жить он собирался долго.

– Вадик, входите, входите, пожалуйста.

Толстый, подвижный зад Аллы Геннадьевны шевельнулся влево, направляя гостя именно туда. Там у них была громадная кухня-столовая, с дорогой мебелью, уютным диванчиком, красивым стрельчатым окном и воздушными занавесками, искусно собранными живописными складками.

Он об этом знал, он бывал уже в этом доме. В отсутствие хозяев бывал. Открыть их смешные запоры оказалось делом нехитрым. Мать, по его просьбе, увлекла тогда мамашу и дочь за город на озера. А он похозяйничал в их доме. Ему было нужно кое-что найти, кое-что, оставшееся от покойного отца Саши. За этим еще отец Вадика охотился и дед его тоже. Но им не повезло. Повезло Беликову. Но, падла, ушел в могилу, оставив секрет при себе. И его искал в тот день в их доме Вадик. Секрет!

Не нашел. Правда, нашел кое-что другое, весьма его заинтересовавшее. Фотографию. На цветном снимке Вадик узнал

юнюю Сашу и ее тренера по дайвингу Серегу Назарова. Она была в купальном костюме, плохо скрывающем расцветающее тело девушки. Он в белых тонких портках, закатанных по колено. Они стояли возле какой-то лодки и чему-то смеялись, держась за руки. И не столько фотография его заинтриговала, хотя и нашлась в странном месте – под матрасом ее кровати, сколько надпись на обратной стороне. «Люблю» – было написано непонятно чьей рукой. То ли писал Назаров, то ли Саша. Но кто-то из них кого-то любил. И Саше это воспоминание было, судя по всему, очень дорого, раз она так тщательно прятала фотографию.

Вадику, в сущности, было плевать на ее чувства. Он не ревновал. Его интерес к ней был вызван расчетом. И он готов был даже тратить на нее время, лишь бы достичь цели.

Но сегодняшнее утро неожиданно все поменяло. Все перевернуло в его представлениях о собственном интересе к этой высокомерной красавице.

Во-первых, он увидел соперника. Серьезного соперника. Очень серьезного! Усов мог, если появится у него желание, не только сдвинуть Вадика со своего пути. Но и доставить ему массу хлопот. Массу неприятностей!

Во-вторых, Сашка проигнорировала его машину, а села в машину Усова, тем самым отдав ему предпочтение. Тем самым унизив Вадика.

В-третьих, в своем васильковом шелковом платъице, весьма сексуально забивающемся ей между ног, она вдруг пока-

залась ему просто красавицей. Соблазнительной красавицей.

Которая, в свою очередь, предпочла ему Усова. Который, в свою очередь, был сильным оппонентом. И который, в свою очередь, мог завладеть тем, за чем охотился еще дед Вадика.

Это был...

Это был вызов! Это была дуэль! И ее Вадик намеревался выиграть. Даже если ему придется шагать по головам! Даже если ему придется терпеть эту вислозадую Аллу Геннадьевну с ее фальшивой сладенькой улыбочкой.

– Чай, кофе или лимонад, Вадик? – спросила она, замирая у плиты с поднятыми вверх руками, будто сдаваться собиралась на его милость.

Чертова дура!

– Пожалуй, кофе, – сдержанно улыбнулся он.

– Вы ведь не торопитесь? – улыбнулась игриво старая перечница. – Мы могли бы дожидаться Сашеньку после работы здесь, у нас. Мама ваша, Вадик, звонила мне и сказала, что уезжает. Что вы совсем сиротка на пару недель. Хи-хи...

Ее мерзкий смех и заигрывающая стрельба глазами едва не сорвали его с катушек. Желание услышать ее предсмертные хрипы снова возникло. Он даже возбудился, представив, как льет в ее широко распахнутое, хватяющее последний воздух, горло огненный кофе.

Держи себя в руках! В руках! Твоя цель – ее дочь! Высокая, длинноногая гордячка Сашенька с длинными светло-русыми волосами, потрясающей кожей, пухлым ртом, который

ему хотелось терзать своими грубыми пальцами.

– Боюсь, что не смогу ее дождаться, – сквозь зубы процедил Вадик и осторожно потрогал низ живота, возбуждение было почти болезненным. – Масса дел. Масса.

– Жаль. А мы могли бы с вами занятно провести время, Вадик.

Вдова Беликова капризно изогнула губы. Отвлеклась на минуту на кофе, выползающий из турки. Разлила его по чашкам, подала на стол, села напротив Вадика. Снова глянула на молодого человека странно кокетливо, неподобающе, на его взгляд, ее возрасту.

– И как же мы с вами занятно стали бы проводить время, Алла Геннадьевна? – поинтересовался он тихим опасным голосом.

– А мы бы с вами стали искать то, что вы не нашли в прошлый раз, – таким же тихим, опасным голосом ответила вдова Беликова и отхлебнула кофе.

– Что-о-о?

Он поперхнулся своим глотком, сильно закашлялся. Алла Геннадьевна тут же вскочила с места, подошла к нему и дважды ощутимо шлепнула между лопаток. А потом навалилась ему на спину своими отвратительными толстыми сиськами и зашептала на ухо горячо и гадко:

– Бедный мальчик... Бедный, бедный, глупый мальчик... Ты не подумал, что в моем доме могут быть установлены камеры? Не подумал, так ведь?

Вадика прошиб пот, прочно прилепивший тонкую марлевую сорочку к телу. Или это от ее сисек ему стало так жарко? Или от того, что ее рука залезла под скатерть, нашарила его ширинку и обнаружила его возбуждение?

Мерзкая старая шлюха! Мерзкая старая шлюха!

– Не подумал... – шепнула ему в самое ухо Алла Геннадьевна и вдруг больно укусила за мочку уха. – Так что ты искал, мальчик мой? То, что искал твой дед, а потом отец? Я угадала?

Вадик промолчал, тяжело дыша. Старая ведьма знала свое дело! Она очень искусно распорядилась его возбуждением, очень искусно. Он еле сдерживался, чтобы не стонать.

– Угадала...

Ее грудь вдруг отлепилась от его спины. Но не успел он выдохнуть с облегчением, как Алла Геннадьевна схватила его за ухо и сильно дернула со словами:

– Идем, идем, мальчик мой, поищем вместе. Может, я и смогу тебе чем-то помочь в твоих поисках.

Он встал с места и на негнущихся ногах двинулся следом за ней на второй этаж, где – он точно знал – располагалась ее спальня.

Он с отвращением смотрел на ее переваливающийся под шелковой юбкой огромный зад, на растрескавшиеся пятки, и желание убить ее с каждой минутой становилось все сильнее.

Он сейчас войдет в ее комнату – просторную, богатую, с широкой кроватью, застеленной белоснежным атласным по-

крывалом, – и сделает с этой шлюхой все, что только придет ему в голову. Все!

«Ну и что такого-то? – подумал Вадик, запирая дверь спальни на всякий случай на ключ. – Она сама виновата, сама напросилась!...»

Глава 5

Назаров зря спешил так рано на работу. Никому до него с утра не было дела. Суета, бегодня. Какие-то студенты толпой метались по коридору отдела с заявлениями о пропаже вещей и документов. Пьяная баба с синяком тихо ревела в уголке обезьянника и все просилась домой. В дежурке телефоны разрывались, было шумно, и от этого шума у него разболелась голова. Или не от шума, а от чего-то еще. От воспоминаний о неприятной встрече с Аллой Геннадьевной, к примеру. Или от того, что не шли из головы мысли о Саше. Она что, тут, в городе? Интересно, почему? Она же думать не хотела о том, чтобы здесь остаться на веки вечные. Город ей казался маленьким и скучным, люди примитивными и неинтересными. Он посмеивался над ней. Попытался переубедить. Говорил, что город на побережье не может быть скучным. И не такой уж он и маленький. А люди везде одинаковые. Люди...

Столкнувшись на выходе с господином Усовым, который, со слов Огнева, стал посещать их отдел регулярно, Назаров поморщился. Вот этот дядя в самом деле был неприятной особью. Бандитский прыщ! Выскочка! Но таких везде хватало.

Так что...

Нет, а что, правда Саша тут, в городе? Одна или с мужем?

Таня, помнится, несколько лет назад обмолвилась о том, что Беликова вышла замуж. Без подробностей, мимоходом. Он не стал расспрашивать. И постарался забыть. Но это там, в Москве, получалось. Здесь-то как? Как забудешь? Он сегодня, когда нырнул с пирса, сразу о ней вспомнил. Как скользило ее загорелое юное тело в воде рядом с его. Как горели восторгом ее глаза под стеклом маски. Как колыхались в морской воде ее волосы. Они напоминали ему тогда водоросли, самые прекрасные на свете водоросли.

Господи, целая жизнь прошла! Целых десять лет! А он все помнит! Все, будто вчера это было!

– Назаров! – окликнули его из дежурки. – К начальнику! Наконец-то и о нем вспомнили!

В три прыжка преодолев лестничный пролет, Сережа через минуту уже стучал в дверь Хмелева.

– Заходи, Назаров, – крикнул Андрей Иванович, будто видел сквозь филенчатую дверь, кто за ней стоит.

– Здравия желаю, товарищ полковник.

Сережа встал посреди кабинета, тут же с лету отметив, что почти ничего не изменилось в нем за десять лет. Те же бежевые обои, обесцветившиеся почти до белизны. Тот же стол, продавленное крутящееся кресло. Пыльные жалюзи. Если бы не сильно постаревший Хмелев, можно было подумать, что время остановилось.

– Присаживайся, Назаров.

Хмелев нежно погладил свою лысину, недобро покосился

в сторону пухлой папки на углу стола. Дождался, пока Назаров опустится на стул с драной обивкой, которую давно пора было выбросить, да все руки не доходили. Да и не хватало стульев этих чертовых, когда большое совещание собирал. Уж лучше сидеть на таком стуле, чем спиной стену подпира́ть. Так ведь?

– Тут такое дело, Сережа... Ты ведь у нас как бы временно, почти неофициально. По просьбе московских коллег, так сказать. Нет, зарплата тебе будет идти, оно понятно, но... Но ведь после окончания служебной проверки тебя ведь снова заберут назад. Оно и понятно... Тебя и тут особо привлекать нельзя, но... По просьбе московских коллег...

– Я знаю, Андрей Иванович, – осторожно вставил Назаров, не понимая затянувшегося вступления, больше похожего на странное покаяние. – Ничего важного и ответственного вы мне поручить не можете, так?

– Ишь ты! Проницательный какой! – Хмелев неприятно улыбнулся, положил морщинистую высохшую ладонь на пухлую папку. – Конечно, не могу! Накосячишь, жалобы пойдут. Оно ни тебе, ни мне не нужно. Разве могу я тебе, к примеру, поручить искать собаку Серафима Ильича?! Н-да... Он же гневаться станет. Орать, так сказать... Н-да... Да и не понравился ты ему чем-то. Еще на пляже не понравился. Сегодня особо подчеркнул, чтобы тебя к поискам его собаки не привлекали.

Сережа чуть «ура» не заорал в полный голос. Вот чего ему

не хотелось делать и чего бы он делать точно не стал, так это искать собаку Усова. Он ничего против бедного животного не имел. Он на Усова принципиально работать не хотел.

– И поэтому хочу поручить тебе... попытаться разобраться с одним делом. Хочу предупредить, жалоб точно не будет, – неуверенно улыбнулся Хмелев. – Жаловаться особо некому. И не на кого.

– Глухарь? – догадался Назаров.

– Н-да... – неуверенно мотнул головой Хмелев и осторожно погладил папку, будто эта самая птица могла вот-вот оттуда выпорхнуть. – Глухарь...

– Здорово, Андрей Иванович! – с фальшивой радостью воскликнул Назаров. – Как я кстати тут, да? Можно все всяки мне свалить! И много их у вас? Десятки, сотни? А вдруг я все разгребу, а? С моим-то опытом! Хотите достойно на пенсию уйти, Андрей Иванович?

Сергей поставил локти на колени, упер подбородок в крепкие кулаки, глянул на Хмелева недобро. И тут же подумал, что зря он сюда вернулся – в город своего детства, пропахший рыбой, водорослями, разогретой на солнце смолой и жареными в масле чебуреками. Жизни никакой. Начала теща, потом Беликова на рынке прицепилась, теперь вот Хмелев продолжил. В сговор, что ли, вступили достать его сообщая, а?

– Умничаешь, да, капитан? Ну-ну... Умничай дальше. А тогда, десять лет назад, когда Беликов тебя за яйца держал и

на крючок тебя, как рыбину за ключицу, посадил, чего же не умничал? Чего же за меня спрятался, а? – Хмелев упрекал без злобы, с непонятной печалью. – Тогда ты пацаном еще был, так? Вляпавшимся в дерьмо пацаном. Теперь-то ты капитан, как же! Матерый! Опытный! Н-да... Только вот что я тебе скажу, капитан... Один раз скажу, повторять не стану. Дело это... Дело это я считаю своим личным промахом. Считаю себя виноватым в смерти одной нашей сотрудницы. Надя Головова, не слыхал о такой, нет?

– Нет. – Назаров сел на стуле прямо, насторожился.

– А должен был, ровесники вы. Ей тридцать было, когда она погибла. Перед самым Новым годом погибла, капитан. Восемь месяцев назад, н-да... Хорошая девчонка была. Умница! И в позу не вставала, как некоторые.

Хмелев выбрался из-за стола. В коленках что-то хрустнуло, он поморщился и, слегка прихрамывая, подошел к пыльному окну. Выглянул на улицу, потом ткнул пальцем в стекло:

– Там вон ее машинка всегда стояла. Ездил всегда аккуратно. Что случилось тем утром?! Сорвалась на машине с дороги в море! Просто улетела, как ласточка!

– Вы хотите, чтобы я расследовал причины ее гибели? Причины аварии? Спустя восемь месяцев? Считаете это целесообразным? – усомнился Назаров.

Узкие плечи начальника полиции развернулись, спина сделалась прямой и сердитой.

– Не считай себя особо умным, капитан! – прикрикнул он на него через минуту. – Причина аварии установлена. Гололед, туман, лысая резина... Стечение обстоятельств. Просто стечение обстоятельств.

– А что не дает вам покоя, товарищ полковник?

– Мне? – Развернутые плечи Хмелева недоуменно поднялись, опустились и вдруг поникли. – Мне не дает покоя чувство вины, Назаров. Все чудится мне в этой аварии какой-то подвох. Видится какая-то причинно-следственная связь. Она ведь – Надежда – по моей огромной просьбе взялась за гиблое дело. Не хотела, видел, что не хотела, а взялась. Противное дело, глухарь стопроцентный. Тут бывалые мужики плечами пожимали. А я взял и ей его свалил, старый козел!

– Что за дело, Андрей Иванович?

Назарову вдруг стало интересно. А Хмелев внезапно замолчал. Стоял с опущенной головой и поникшими плечами спиной к нему и молчал. Потом вдруг встрепенулся, вернулся к столу, сел, снова положил ладонь на папку, будто на верность гиблому делу присягать собрался.

– За несколько дней до Нового года у нас пропали два молодых человека. С интервалом в три дня. Ушли вечером из дома и не вернулись. И никаких следов.

– Головкова вела это дело?

– Да. Я поручил, – его морщинистое лицо болезненно сморщилось. – Почему, спросишь, капитан? Отвечу... Она

была очень кропотливой. Рыла там, где никто не мог додуматься рыть. Мелочи всякие подмечала, нюансы. Версии умела преподнести самые невероятные. Вот я и решил это дело ей поручить. Думал, что, может, она что-то углядит.

– Углядела?

– Не знаю, – признался Хмелев с болезненной гримасой. – Накануне своей гибели она долго засиделась в рабочем кабинете. Потом уже из дома со стационарного телефона звонила одному человеку, проходившему по делу свидетелем. Они о чем-то говорили.

– О чем? Его допросили?

– Умный самый, да? – фыркнул Хмелев без злобы, рассматривая мускулистого загорелого капитана, будто видел впервые. – Конечно, все ее звонки проверили. И со свидетелем тем встречались, и не раз. Только... Только он ничего нам нового не сообщил. Отрицать не стал, позвонила, да. Спросила, ничего не вспомнил ли за минувшие дни? Он ответил, что ничего нового сообщить не может по делу. Поздравил, мол, ее с наступающим Новым годом. Они простились, и все.

– Думаете, не все сказал?

– Не знаю, – нехотя признался Хмелев. – Откуда же мне знать-то, капитан?!

Повернулся влево, дотянулся до чайника с лопнувшей крышкой, стоявшего все на той же, десятилетней давности, тумбочке. Открыл крышку, проверяя наличие воды. Закрыв,

щелкнул тумблером. Чайник с первой минуты сердито зашипел, затрещал. Он будто ежился изнутри, оттого что его – старого – снова заставили работать.

Хмелев достал из верхнего ящика тумбочки пыльный стакан. Дунул в него, потер по краю пальцем. Тут же швырнул туда щепоть заварки и, подперев щеку кулаком, стал ждать, пока закипит чайник.

Больше ничего объяснять, как понял Назаров, он не соби-рался. Он ждал теперь вопросов.

– Что с той аварией не так, Андрей Иванович? – задал он первый вопрос.

– Все вроде так, капитан. Эксперты машину по болтику разобрали, когда ее из воды достали. Всю, по болтику. Все вроде нормально.

– Вроде?

– Ну... С тормозами не все ладно оказалось. Так очевидцы утверждают, что Надина машина, когда с дороги слетела, задела днищем ограждение. Потом в море упала на трубы. Эксперты в один голос утверждают, что причина повреждения тормозов в этом. А я... А я спать не могу спокойно. И ушел бы давно со службы, пора уж, и здоровья нету... – Хмелев поводил щепотью пальцев по груди, будто перемешать пытался поселившуюся там хворобу. – Но точит и точит меня Надина смерть!

– Следов пропавших парней так и не найдено?

– Нет.

– Дело застопорилось?

– Да. Надя еще что-то делала. Свидетелей дергала на допросы, с докладами ко мне ходила. Как она погибла, все... Глухарь крылышками бяк-бяк-бяк! – Хмелев помахал ладонями в воздухе. – Всех, кого можно опросили. И «наружку» выставляли. Следили и за друзьями, и за девчонками бывшими. И даже за родителями. Ни-че-го!

– И вы считаете, в глубине души, не для протокола, – примиряющее улыбнулся Назаров старому полковнику, – что гибель вашей сотрудницы не случайна? Что неисправная тормозная система в ее машине как-то связана с делом, которое она вела?

– Глупо, понимаю, что глупо! Что это просто совпадение. Но... Но считаю! Понимаю, что не могу, не должен, но считаю!

– Понятно... – Назаров протянул руку к папке с делом. – Позвольте, Андрей Иванович?

– А то!

Хмелев охотно двинул папку по столу. Тут же развернулся к тумбочке. Чайник зашумел, задержался, выплеснул из носика густую струю пара и отключился. Залив чай кипятком, Хмелев активно помешал ложкой в стакане и тут же потащил стакан к губам. Шумно хлебнув пару раз, он с удовольствием зажмурился, глянул на Назарова, листающего дело.

– Сашку-то видел? – вдруг спросил он.

– Что?!

Пальцы, перебирающие страницы, замерли. Строки в бланках протоколов превратились в неразборчивую клинопись. А с затылка на шею, он точно почувствовал, поползли предательские струйки пота.

– Не прикидывайся, что не понял, – фыркнул Хмелев и снова шумно хлебнул крутого кипятка с жиденькой заваркой. – Александру, Александру – любовь всей твоей жизни, спрашиваю, видел?

– Почему любовь? Почему всей жизни? – Назаров, как ему казалось, равнодушно пожал плечами. И забубнил, не поднимая головы от папки: – Все давно прошло, – и тут же поспешно добавил: – Нет, не видел.

– Странно... А она в машине сидела, когда ты на крыльце стоял.

– В какой машине?

– Она с Усовым приезжала. Он насчет своей собаки интересовался. Он теперь ежедневно заезжает и по три раза на дню звонит... гад! – Скрипнул зубами Хмелев, поставил стакан на стол, снова поводит щепотью пальцев себя по груди. – Хорошо... Горяченького чайку... Так вот Сашка с ним приезжала. Она на него работает, на Усова. Финансистом или бухгалтером, точно не скажу. Огнев утверждает, что Усов глаз на нее положил, на Сашку-то. А Огнев все про всех знает! Это у нас ФБР просто, а не майор.

Он что-то еще говорил и про Усова, и про Сашу. Про ее мать, с которой Назарову сегодня уже довелось повстречать-

ся. И которая, по утверждениям Хмелева, после возвращения дочери все силы бросила на то, чтобы ее удачно выдать замуж.

– А она вроде и была уже замужем, Сашка-то, – рассуждал сам с собой Хмелев, медленными глотками допивая чай, чтобы не нахватать в рот заварки, крупными хлопьями кружащей в стакане. – Чего-то не стала жить с мужиком своим. Домой вернулась. А в Москве жила, да... Квартиру ей там покойный папаша купил. Те-емная лошадка был этот Беликов. Ох, разговоров потом после твоего отъезда ходило про него! Жил странно, помер тоже странно. В лодке на рыбалке, прямо с удочкой в руке. После его смерти Сашка и вернулась, да. Тихо живет... Красавицей стала. Да ты помнишь, чего я тебе рассказываю. Усов не дурак, такую девочку выбрал, – и снова вспомнил: – Замучил уже со своей собакой, просто достал!

Саша сидела сегодня утром в машине Усова? В тот самый момент, когда он выходил подышать на улицу, она сидела в машине и смотрела на него? Пользуясь тем, что стекла в машине тонированные и видеть ее он не мог, она его рассматривала? А чего не вышла тогда? Не окликнула? Не сочла возможным? Не сочла нужным? Он неинтересен ей больше? И узнала ли? Вообще узнала его спустя десять лет?

И вдруг сделалось так душно в пыльном кабинете Хмелева. Душно и противно. Захотелось удрать. Подальше. От старой мебели, от пыльного окна, от сердитого старого чай-

ника, плюющего острим горячим паром, от безнадежного дела, втиснутого в папку погибшей девушкой. И от Хмелева, с догадливой ухмылкой теперь за ним наблюдающего.

Так захотелось на волю к морю, он никогда не мог надыхаться свежим соленым воздухом. Никогда. И по приезде не успел. Таня поселила его в тещиной конуре с глухим окном. И дальше запущенного сада, пропахшего липким ароматом перезревших слив, он в минувшие две недели мало куда ходил.

А Саша, оказывается, в городе. Давно в городе. И сегодня видела его. Сквозь стекла чужой машины наблюдала за ним и не сделала попытки выйти и хотя бы поздороваться. А машина принадлежит Усову – влиятельному бизнесмену, поставившему раком полгорода, Хмелева в том числе. Видел, видел, как суетливо тот бегал по пляжу, разыскивая след собаки бизнесмена. Хорошо на коленки не упал и гальку обнюхивать не принялся.

– Мне надо разбираться, – захлопнул он папку и встал. – Рабочее место выделите? Стол там какой-нибудь и...

– Так это, Назаров, ты Надино место и занимай.

Хмелев засуетился, заспешил. Стакан поставил рядом с чайником. Вытер влажные губы неряшливым носовым платком. Погладил себя по лысине, по груди, поправил форменную рубашку и пошел к выходу, увлекая за собой Назарова.

– После нее у нас паренек один был. Мы ему это место выделили. Но он что-то замудрил. Попросился в другой отдел.

Будто не выходит у него и все такое. А Огнев мне докладывал, что суеверным парнишка оказался. За бутылкой ребятам рассказывал, что не может за Надиным столом работать. Давит на него что-то, говорит. Аж руки трясутся, во как!

– Смешно, – негромко фыркнул Назаров, входя в тесную комнату с одним столом, тумбочкой с вентилятором, плотным рядом разномастных стульев у противоположной стены, книжным шкафом, вешалкой и сейфом. – Суеверие – это смешно.

– Согласен. – Хмелев почти ласково подхватил его под локоток, подвел к пустому столу без единого следа пыли. – Вот, капитан. Теперь это твое рабочее место. Действуй! Может...

– Что?

Назаров обернулся на умолкнувшего Хмелева. Тот с печалью рассматривал рамку с фотографией, которую никто так и не решился убрать со стола.

– Может, и выйдет у тебя на ее месте, капитан. Может, все у тебя здесь получится?..

Глава 6

Было жарко и тяжело. Невыносимо жарко. Пот стекал по лицу, шее, телу, чавкал в летних ботинках, надетых на босу ногу. Он будто стоял под душем, таким казался себе мокрым. И еще грязным. Потому что тащил на спине жирную тетку. Мертвую жирную тетку. Он всегда поражался тому, насколько мертвое тело тяжелее живого. Почему, интересно? Должно же быть наоборот. Из тела уходит душа, она покидает его навсегда. Насколько легче должно быть тело! Эта толстая тетка должна быть просто невесомой. Ее тело покинула черная душа. Черная, смрадная душа. Эта душа заставляла тетку творить мерзкие вещи. Мерзкие! И за это он ее и убил. И не только за это. А еще за то, что она ему надоела. Надоело видеть ее, слышать, надоело думать, что после сотворения всяких мерзостей тетка сядет снова за стол и станет жрать, чавкая и пачкая рот едой.

Гадкая! И тяжелая!

Он, конечно, рисковал. Понимал, что рисковал, вытаскивая ее белым днем из ее дома. Мог кто-то к ней прийти или приехать. Мог просто окликнуть из-за соседнего забора. Но...

Но он, кажется, все продумал. Сам себе поражался, как умно и тонко все продумал.

Для начала он отключил все видеорекамеры, которыми ста-

рая ведьма наводнила дом.

Потом соседи...

Соседей нет – раз. Не в том смысле, что соседей нет как таковых, просто никого сейчас нет дома. Слева соседи почти не жили, навещаясь лишь изредка, пару раз в месяц. Справа жили люди работающие. Они появлялись вечером. Поздно вечером. Когда уже надо было включать свет. Тут промаха не могло случиться. Никто не выглянет в окна. Никто не окликнет из-за соседнего забора. С улицы от калитки его тоже не могли увидеть, потому что он вытащил тетку на спине через заднюю дверь. Там росло много цветущих кустарников, ими была обсажена красивая дорожка до задней калитки, выходящей к обрыву. Зачем тетке нужна была эта калитка, он не мог понять. За забором же ничего! Овраг, поросший бурьяном. Овраг, где обитало множество мерзких тварей. Он лазил там не раз, даже опускался на самое дно и видел ящериц, змей, каких-то неказистых грызунов, очень трусливых и смешных.

Так зачем ей нужна была эта калитка? Калитка, которая вела в никуда?!

Ответ родился в голове сам собой. Калитка была нужна ему! Ему, а не тетке! Это для него кто-то постарался, потому что заранее знал, что он потащит тяжелый труп именно этим маршрутом. Через заднюю дверь дома, потом красивой дорожкой, засаженной красивыми цветущими кустами, потом через заднюю калитку на самое дно оврага, а потом...

Потом надо будет сделать так, чтобы ее никогда не нашли. Никогда! Это надо будет сделать уже сегодня поздним вечером. Иначе завтра к утру труп завоняет. И его найдут. А нельзя, чтобы нашли. Нельзя! Он должен сработать чисто. Он всегда так работает. Никогда не оставляет следов. Он и в спальне теткой все прибрал. Не оставил ни единого следа. Свернул все наволочки и простыни, загрузил в стиралку, поставил режим «бережное кипячение». Потом постелил чистое белье, вымыл пол в спальне, протер мебель и в спальне, и в кухне. И перила лестницы протер. Помыл чашки из-под кофе. Взясась каждое утро после ухода дочери кофе жрать ведрами, шлюха! Поставил их на обычное место.

Никаких следов не должно было остаться. Никаких! Следов пребывания этой жирной курвы на земле!

Интересно, кто-нибудь станет о ней горевать? Дочка. Да, дочка, наверное, будет плакать и искать свою мамочку. Будет бояться оставаться одна в этом большом богатом доме, наводненном развратом.

Он передернулся, вспомнив, что вытворяла эта гадина два дня назад на широченной кровати. Он даже не думал, не знал, что такое можно вытворять! И передернулся еще раз, ощущая мокрой спиной тяжелую мерзкую тушу. Когда же наконец он от нее отделается! Метра три осталось, не больше. Сейчас, вот сейчас, он выволочет труп за калитку, и в усадьбе станет чище. И легче дышать. И ему станет легче дышать, потому что он отделается от тяжелой ноши.

Калитка открылась легко и без скрипа. Он ведь заранее все подготовил, отпер замок и смазал петли. Он вышел за участок, толкнул ногой калитку, шагнул вниз по склону пару раз и, брезгливо передернувшись, сбросил труп со спины. Стоял минут десять, пытаясь отдышаться и просохнуть. В груди сильно стучало, не хватало дыхания, пот все так же лил ручьем по телу, лицу, шее, заливал ботинки. Пришлось присесть на землю, разуваться и обтирать ноги о траву. Потом, чуть просохнув и обувшись, он натянул матерчатые перчатки на руки, запер калитку на замок. Снова взвалил мертвое тело тетки на спину и потащил его на самое дно оврага, где ему надлежало пролежать до темноты.

Он справился. Он спрятал труп так, что его не мог найти никто никогда. Если бы не южная жара и не лето, он бы оставил ее тут гнить. Но нет, нельзя. Вонь поднимется такая, что ее быстро найдут. Этого допустить никак нельзя.

Он забросил ее в самые глухие заросли, на самом дне, распугав пищащих смешных тварей. Потом поднялся и осторожно расправил все ветки, которые неосторожно повредил на пути от калитки до дна оврага. Даже траву взьерошил, по которой шел, уничтожая все, все, все следы. Затем внизу, в зарослях, нашел свой пакет с вещами, в которые ему надлежало переодеться. Разделся догола. Минут пять стоял, обсыхая. Надел все чистое и сухое, а мокрые тряпки сунул в пакет, забрал с собой. Поднялся по другому склону метрах в десяти от того места, где спрятал труп. Отряхнулся. Огля-

делся. Никто не торчал в окнах. Никого не было видно на тропинке, петляющей по самому краю глубокой ямы. Вдохнул глубоко, со свистом выдохнул и медленным шагом пошел к своей машине...

Глава 7

Сереза уже в который раз перечитывал показания свидетелей. Листал, читал, возвращался к первым страницам дела. Место происшествия отсутствовало. Свидетелей, видевших пропавших парней теми злополучными вечерами, не нашлось. Никто не видел, как они выходили из дома. Никто не видел их в день исчезновения бредущими по улице. Удивляться не приходилось. Зима. Время позднее. Погода в те дни не жаловала. Валил снег, с моря дул обжигающе ледяной ветер, и морозило не слабо.

И куда вот можно было отправиться в такую погоду в куртке почти на голое тело?! Куда?! Куда-то по соседству? Так парни жили друг от друга на расстоянии почти в два километра. И даже если принять за версию то, что место их исчезновения находилось где-то посередине, то это пешком километр! Пешком...

А что, если они уезжали от дома на такси? В деле об этом ни слова. Проверяли, нет?

– Наверное, Сереза, – хмуро глянул на него исподлобья Хмелев. – Думаю, Надя разрабатывала эту версию.

– В деле об этом ни слова, – с легким упреком сказал Назаров.

– Но хочешь, проверь. Может, и было такси.

Проверил. Не было вызова такси. И вообще ни одного так-

си в те вечера не было в том районе. Все до единого диспетчера, все до единого водителя отrekliсь. Вызова не было. Никто случайно парней не подвозил.

– Возможно, частник? – предположил один из водителей. – Мало их, что ли, «бомбил»-то?

Это искать иголку в стоге сена. И не найдешь. В конце концов, тем самым частником мог быть и убийца.

Сережа еще раз прошелся по их друзьям. Поговорил с бывшими подружками. Ни следа, ни намек на какую-то тайную зависть, месть, ненависть.

– Валерка хорошим мужиком был, – сказал его бывший коллега, слесарь автосервиса. – Спокойным, тихим, неконфликтным. До сих пор не верю, чтобы он кому-то дорогу перешел.

– Тут у вас ничего такого не случилось? Может, тачку кому вовремя не сделал или еще чего? Может, неосторожно глянул на какую-нибудь заказчицу, а муж заревновал?

– Командир, я тя умоляю! – фыркнул слесарь. – Валерка из смотровой ямы не вылезал. Хамить никому не мог в принципе. Коситься на баб было не в его привычке. А что касается ремонтов... Так он мастером был от бога! За что не возьмется, все в руках горело. Никакой работы не боялся!

– А какой конкретно? Что еще он тут мог делать, кроме машин?

Назаров пробежался глазами по мастерской. Три полуразобранных автомобиля. Возле них суетится по два чело-

века.

– Так он к нам пришел уже после того, как поработать везде успел. Везде себя попробовал. Он и плотник, и пекарь, и танцор, и аптекарь, как говорится, – с улыбкой заявил слесарь. И тут же добавил с грустью: – Был...

– Считаете, что его нет в живых?

– А вы не считаете? – Он покачал головой в промасленной беретке. – Без документов, без денег, в майке и куртке ушел из дома ненадолго. И что?

– Что?

– Гостит уже восемь месяцев? Нету его, думаю. И мать его так же думает. Хоть и надеется. Но на то она и мать...

С родителями Назаров пока не говорил. Оставил напоследок. Знал, что услышит.

– Ну а с женщинами у него как было? Вы вот сказали, что он на женщин не обращал никакого внимания. Может, он того, нетрадиционной сексуальной ориентации был? – предположил Назаров.

– Да ладно те, командир! Чего говоришь-то! Валерка голубой?! Не-е-е, он нормальный был в этом смысле. И девчонки у него были раньше. Он рассказывал. Ни разу, правда, плохого слова о них не сказал. Но вот что характерно... – слесарь задумался, приложив грязный палец к обветренным губам. – Он всегда говорил, что не находится ему девчонки для души. Такой, знаете, чтобы понимала с полуслова. Говорю, таких нету. Это только мать всегда поймет. А он улыба-

ется так...

– Как?

– Как-то странно, между прочим, он улыбался, – вдруг вспомнил слесарь-коллега. – Будто и нашел уже такую.

– А рассказывать ничего не рассказывал?

– Никогда!

– Может, эта его тайная любовь была замужем?

– Сомневаюсь, командир. Он в этом смысле был очень принципиальным. Институт, как говорится, брака был для него святым. Презирал изменщиц. Стал бы он влюбляться в замужнюю?

Стал бы и еще как стал бы, размышлял Назаров, резво нарезая круги по городу, опрашивая, приставая, докапываясь. Ему ведь – сердцу – хрен прикажешь, в кого влюбляться, кого ненавидеть, кого презирать. Он вот лично сам с какой блажи с первого взгляда к господину Усову вспылал негативными чувствами, а? Шепнуло что-то, что тот к Саше клеится? Так какое дело тебе до Саши? Ты же женатый человек! Что для тебя институт брака и семьи, а?

По ходу их с Таней институт перешел на дистанционную форму обучения. Они почти не виделись! Почти не общались. Он поздно возвращался, когда она уже почти спала. Могла лениво шевельнуться, когда он валился на постель. Но тут же отключалась, видимо, сильно уставала. Или морской воздух так на нее действовал после столицы. Утром он вставал раньше ее и старался не беспокоить, потому что не

вовремя разбуженная супруга всегда нервничала. И говорила с ним резким тонким голоском, который он едва терпел.

Конечно, он не стал бы утверждать, что их брак катится ко всем чертям. Что он вот сразу после завтрака сегодня будет готов с ней расстаться. Но...

Но одна мысль о Саше, о том, что она где-то здесь, рядом, делала его отношения с Таней менее ценными, что ли. Не так он уже ими дорожил, стоило подумать о Саше и о том, что она одна. Хотя нет. Она не одна. Она охраняема страшной медузой – Аллой Геннадьевной. Эта баба стережет подступы к башне, куда заточила от него свою дочь.

Почему же Саша не вышла из машины, когда увидела его утром на крыльце отдела полиции? Почему? Не узнала? Не захотела узнавать? Или мама не велела водить с ним знакомство?

– ...Мы никогда Валерочке не запрещали никаких знакомств, – вспоминала часом позже мать пропавшего без вести Валерия Листова.

Они сидели друг против друга в крохотной гостиной Листовых, сплошь выстеленной самодельным белоснежным кружевом. Кружевные накидки были на диване, на креслах, на спинках стульев, на телевизоре. Может, это было красиво, Назаров не знал. Он предпочитал аскетизм в убранстве комнат. Стол, стул, кровать. Главное, чтобы чисто было, не пыльно. И чтобы окно открывалось, черт побери.

– Понимаете, многие родители выбирают своим детям по-

ловинку, буквально навязывают, – проговорила мать Валерия с печалью. – Та плохая, этот нехорош, советуют, скандалят. У нас так не было. Мы не лезли в его отношения с женщинами. Он сам их выбирал, сам с ними расставался. Однажды собрался жениться, но вдруг передумал.

– Когда это было?

Назаров тут же развернул блокнот, собравшись записывать. В деле об этом не было ни слова.

– Года за полтора, может, чуть меньше до его исчезновения. Да-да, где-то тоже незадолго до Нового года. Не этого, а того, – седая морщинистая женщина махнула ладонью куда-то себе за спину. – Прилетел домой с цветами, с тортом. Веселый. Женюсь, говорит, мать.

– А на ком жениться собирался? – Назаров тут же пролистал в голове имена бывших девушек Валерия Листова. – Знакомил вас?

– В том-то и дело, что мы ее даже не знали. Он ведь собирался тем вечером, когда с цветами прибежал, ее к нам привести, знакомиться. Я и стол накрыла, прождали с отцом часа три. А он так и не привел ее.

– Один пришел?

– Да. И пришел-то через два дня, – вспомнила она вдруг, хватаясь за сердце и испуганно глядя на Назарова. – Представляете, только ведь сейчас вспомнилось! Только сейчас! Он ведь тогда тоже без документов из дома ушел. И денег почти не брал. С цветами, с тортом. Правда, нарядным ушел.

И через два дня лишь пришел.

– А звонил? Звонил вам в эти два дня?

– Нет, не звонил.

– А как же вы? Спокойно отнеслись к его отсутствию? Два дня нет парня. Собирался привести невесту, и вдруг нет его?

– Волновались, конечно. Только сосед наш – Степка Горелов его видел в магазине, Валеру-то. Пьяным видел. Водку покупал, говорит. Мы и успокоились немного. Живой, и слава богу.

– Значит, он все же выпивал время от времени? – зацепился Назаров за единственное темное пятно в биографии пропавшего Листова. – А в деле об этом ни слова. Все друзья и подруги в один голос утверждали, что он и пробки не нюхал. Да и вы тоже так говорили. Как же так?

– Понимаете... В полиции сразу пристали: пьет, не пьет?! А как он пил-то! В праздники только. Да вот еще тогда, когда свататься ушел.

– А чего так на сватовстве напился? Поэтому невесту не привел?

– Нет. Думаю, отказала она ему. Потому и не привел, и пил два дня. Может, с горя.

– А где пил?

– Не сказал.

– И что с девушкой случилось, тоже не рассказал?

– Нет. Просто обронил: мать, забудь, и все. Мы и забыли! – Женщина всхлипнула, закрыла глаза ладонью. – Время-то

прошло... Он уже после этого с Наташей гулял.

Про Наташу Назаров знал.

– И Лену к нам приводил. Хорошая девочка.

И про Лену тоже было известно Назарову.

– Лена вон замуж вышла уже. А у него не сложилось ничего. Теперь уж... – Из-под ладони на лицо выползли слезы. Женщина их тут же смахнула кружевной салфеткой со стола. – Мы и не вспоминали про этот случай со сватовством. Времени-то сколько прошло! Разве это имеет значение? Но раз в полиции сказали, что все может быть важным... Что любая мелочь... Мы с отцом и решили рассказать. Только некому оказалось рассказывать. Девочка та славная в аварии погибла под праздник. А после нее там парнишка был и слушать особо не захотел. Все больше зевал. Ясно, что искать нашего мальчика не собирался.

Назаров еще раз в деталях расспросил несчастную мать про день несостоявшегося сватовства. В чем был одет, как и что говорил, на что намекал, сколько денег с собой брал, собирался ли ехать на такси или пешком хотел идти. И наконец, в каком магазине видел его сосед пьяным.

– Я не знаю. Не уточняла, – сморщила женщина лицо, будто вопрос Назарова был никчемным и пустым. – Разве это важно теперь?

– И пил где эти два дня, не знаете тоже?

– Нет. Не знаем. А зачем было спрашивать. Мальчик вернулся, жив-здоров. Приказал забыть. Мы и забыли...

Ну хоть что-то! Хоть какая-то зацепка! Хоть какая-то ниточка! А то все сладко да гладко было в его жизни, а куда ушел и с чего вдруг пропал, непонятно. А оказывается, что и любовь какая-то несчастная была. И отношения порванными оказались, после чего он пил два дня беспорядно.

Уже хоть что-то.

– А где ваш сосед проживает? Горелов, вы сказали?

– Ой, так переехал он. Полгода как переехал. Купил квартиру где-то на набережной. А дом продал. Слева от нас жил. Хороший человек. Спокойный, отзывчивый.

– Его нового адреса у вас нет?

– Нет. Извините...

Адрес, конечно, нашелся в паспортном столе. Не тайна за семью печатями. Выяснилось, что Степан Горелов проживает теперь в доме с окнами на море. В двухкомнатной квартире на втором этаже. Мимо этого дома, к слову, в день своей гибели, проезжала Надежда Головкова. Но тогда Горелов там еще не жил. Переехал через несколько месяцев. И еще кое-что выяснилось. И это кое-что показалось Назарову весьма любопытным.

Оказалось, что именно Горелову накануне своей гибели звонила Надежда поздним вечером. Именно Степана Горелова побеспокоила почти в полночь. И о чем-то говорила с ним. Только он вспоминать не захотел, о чем именно. Открестился тем, что ничего важного в их разговоре со следователем не прозвучало. Ничего.

В деле сохранился его мобильный телефон, Назаров позвонил. Надо же, не поменял телефона Горелов. Ответил быстро и даже представился:

– Да. Слушаю. Горелов.

– Степан Сергеевич?

– Совершенно верно. С кем имею честь говорить?

– Назаров моя фамилия. Сергей Иванович Назаров, капитан полиции. Веду дело...

– Хм-мм, – перебил его вдруг странным кашляющим смехом Горелов. – Капитан, значит? Полиции? Не дальнего плавания? Надо же... Дослужился, стало быть! То все с акванангом с пирса прыгал, а теперь в полицию подался? Молодец, капитан, поздравляю. Извини, что перебил. Так что за дело-то, капитан?

– Расскажу при встрече, – буркнул Назаров неучтиво и тут же назначил время и место – в своем кабинете. – Не опаздывайте.

Он, убей, не помнил никакого Горелова! Что за дядька? Откуда он его мог знать? Ни одного человека с такой фамилией он не тренировал, точно. Ни девочек, ни мальчиков, ни тетей, ни дядей не было в его группе с такой фамилией. Он его не знал.

Но стоило войти в кабинет высокому кряжистому мужику, комкающему в громадных ладонях сатиновую кепку, Назаров вспомнил.

Эта сволочь помогала Сашиному отцу наказывать его!

Именно Горелов держал его руки, а потом протыкал его кожу под ключицей большим рыболовным крючком. И хмыкал удовлетворенно, сволочь такая, когда Сережа громко стонал от боли.

Вспомнилось все, будто вчера это было. И даже вкус собственной крови из разбитых губ ощутил во рту. И даже кожа на лице натянулась, это когда морская вода высыхала, которой его обливал Горелов время от времени, чтобы он сознания не терял от боли.

Палач! Вернее, помощник палача сейчас стоял перед ним, рассматривая его без страха или чувства вины. С насмешкой смотрел на него Горелов. Нагло, самоуверенно.

– Присаживайтесь, – кивнул Назаров на стул напротив.

Тот все с той же надменной ухмылкой уселся. И тут же раззявил рот вопросом:

– Старое решил вспомнить, капитан? Решил отомстить мне? Так свидетелей нету. Ни того, как тебя Степа наказывал за то, что дочку его малолетнюю обесчестил, ни того... Кстати, а как тебя в органы-то взяли с таким пятном? Это же, как его... Не помню слово! Интересное кино! Всех подряд, что ли, теперь туда берут, да?

Назаров стиснул зубы и убрал на всякий случай кулаки со стола. А то, чего доброго, даст по лицу этому самоуверенному скоту. И будет еще одна служебная проверка, н-да.

– Ты бы заткнулся, гражданин Горелов, – холодно улыбнулся Сережа. – Я ведь тоже не забыл, как ты и твой тезка

надо мной измывались. Не забыл. И шрам остался. Как свидетельство...

Они устали друг на друга. Горелов настороженно. Назаров зло.

Надо же, думал каждый из них, а он почти не изменился.

Такой же крепкий, загорелый, с красивой рожей, от которой у баб случается залипание мозгов. Это Горелов про Назарова. Только не поможет ему это завоевать Сашу Беликову. Не поможет. Не подпустит его к ней Сима Усов. Ни за что не подпустит.

Такой же сильный, почти не постаревший, седины в волосах почти нет, и морщин на лице не стало больше. Это Назаров про Горелова. Взгляд такой же ядовитый и холодный, как у удава. И мышцы под льняной рубахой перекачиваются, как и десять лет назад. Сколько ему теперь? Под полтинник или больше? А здоров, черт! Здоров и крепок.

– Итак, – проговорил Сергей, когда они одновременно отвели друг от друга взгляды. – Вы здесь по делу об исчезновении Листова и Рыкова.

– Опа! А я-то тут с какой стати?! – Горелов внезапно занервничал, сгорбился, наклоняясь в его сторону. – С Листовым соседствовали, ладно. А Рыков... Да я его видал раза три за всю жизнь!

– При каких обстоятельствах?

– Что именно?

Самонадеянный взгляд Горелова сделался суетливым и

жалким, принялся метаться по тесному кабинету, который раньше занимала Надя Головкова. Начал цепляться за каждый предмет, как за круг спасательный. Как Сергей цеплялся за пенопластовый квадрат, который ему бросили в воду, когда скинули с лодки на большой глубине. Бросят пенопластовый плотик, и только он за него рукой ухватится, выдергивают. Снова бросят и снова выдергивают. Он тогда едва не утонул. Едва...

– При каких обстоятельствах виделись с Рыковым три раза? – заставил себя отвлечься от кошмара десятилетней давности Назаров. – Три раза. Итак, первый?

Он даже руку поднял с загнутым большим пальцем.

– Ну, капитан... Это несерьезно, – жалко улыбнулся ему Горелов и сразу будто постарел, глаза утонули в крупных морщинах. – Что я помнить должен, когда видел его?

– Не должны, но вспомните! Времени у нас предостаточно.

Назаров откинулся на спинку стула, положил локти на стол, сгреб авторучку и принялся щелкать ею по столу. Звук был отвратительным. Напоминал приглушенный щелчок оружейного затвора. Так ему казалось. Наверное, и Горелову это тоже что-то напоминало, потому что он без конца ежился и косился на авторучку. И еще потирал заросшую шею, и воротник льняной сорочки поправлял, будто тот жал ему, хотя и был широко распахнут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.